

Куржов

Андрей

ЛЬВОВСКАЯ
ГАСТРОЛЬ

Джими
ХЕНДРИКСА



CF FOLIO

Андрей Курков

**Львовская гастроль
Джими Хендрикса**

«Фолио»

2012

Курков А. Ю.

Львовская гастроль Джими Хендрикса / А. Ю. Курков —
«Фолио», 2012

«В жизни самое интересное – это жизнь», – сказал однажды писатель, обращаясь к своим читателям. И его новый роман «Львовская гастроль Джими Хендрикса», где переплетаются действительность и вымысел, где нет границы между реальностью и сюрреализмом, прекрасное тому подтверждение. Над сухопутным Львовом летают чайки, и в городе временами пахнет морем. Бывшие хиппи в компании с экс-капитаном КГБ собираются на Лычаковском кладбище у могилы... американского рок-певца и гитариста Джими Хендрикса. А по древним улочкам города носится ночью старенькая иномарка с людьми, желающими излечиться... Андрей Курков – журналист, писатель-сценарист (по его сценариям поставлено 18 документальных и художественных фильмов), автор более двух десятков книг. Его произведения переведены на 34 языка, в том числе английский, немецкий, французский, голландский, испанский, японский, турецкий и др. Курков – один из двух писателей постсоветского пространства, чьи книги попали в топ-десятку европейских бестселлеров. Недаром он признан в Европе современным русскоязычным писателем № 1.

© Курков А. Ю., 2012

© Фолио, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	55
Глава 16	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Курков

Львовская гастроль Джими Хендрикса

*Автор выражает искреннюю благодарность
мэру Львова Андрею Ивановичу Садовому за приглашение написать
роман о городе, который был, есть и будет всегда оставаться одним из самых
интересных и самых красивых городов-загадок на карте Европы,
владельцам и персоналу отеля «Леополис» за доброту и
предоставленные уют и комфорт во время моих частых приездов и отдельно
– за изысканную, потрясающую кухню,
героям этого романа Юрку Винничуку, Алику Олисевичу и Оксане
Прохорец за согласие стать героями и за то, что впустили меня в свою жизнь
и в свои биографии,
моим давним и новым львовским друзьям: Михайлу Ватуляку и его семье,
Тарасу Возняку, Галине Вдовиченко и многим-многим другим,
издателю Юрию Николишину и издательству «Априори» за подаренную
мне библиотеку книг о старом и новом Львове,
Руслане и ресторану «Старый рояль», работникам и завсегдатаям
кафе на Армянской, кафе «Кабинет», «круглой» чебуречной в Брюховичах,
гриль-бару в Винниках, безмянному бару на Старознесенской, кафе «Кафе»
на Повитрянной, 24 и другим теплым и уютным уголкам города, осознанно
и неосознанно предоставлявшим мне душевное тепло и возможность
отдохнуть,
организаторам, обитателям и волонтерам общины самопомощи для
бездомных «Оселя» (Винники), жителям города за то, что не замечали
приезжего писателя и вели себя естественно, тем самым помогая написанию
романа.*

Глава 1

Походка почти всегда выдает возраст идущего. Человечек, пока мал, ходит смеющейся, любопытной походкой. Он то и дело на ходу на цыпочки поднимается, чтобы что-нибудь скрытое для его роста увидеть. Никто обычно не против, пока вертикальный рост человечка не увеличится до полутора метров. После этого кратковременно походка становится слегка хулиганистой и надменной или, наоборот, приутюженной, с едва заметным наклоном вперед. Это уже, конечно, далеко не всем нравится, да и опасения у прохожих вызывает: мало ли что человек с такой походкой вытворить может?! Ну а дальше – у кого как. Кто лет двадцать ходит прямо, кто немного боком – это уже от жизненной позиции и уровня страха зависит. Однако данное правило действует только в светлое время суток. Ночью же можно ходить, отрешась от своей дневной походки и от возраста. Ночь раскрепощает. Особенно ночь с семнадцатого на восемнадцатое сентября.

Звуки шагов в эту сентябрьскую ночь 2011 года доносились и с Грушевского, и с Зеленой, и с Федорова, и с Замарстиновской, и со стороны Стрыйского парка, на деревьях которого издавна ночуют тучи тучных ворон, отъедающихся днем на городской свалке у села Грибовичи.

Это были «сольные» шаги отдельно идущих людей, никогда, даже в присносуетские времена, не умевших шагать строем. Попробуй какой-нибудь мальчишка-барабанщик упорядочить их шаг, сразу получил бы он «легкие телесные повреждения». На «тяжелые телесные повреждения» эти люди были положительно не способны. Даже если узнавали, что «мальчиком-барабанщиком», только уже в другом, не буквальном смысле, оказывался кто-нибудь из недавно принятых в их узкий круг. Узкий круг, впрочем, только недавно стал действительно узким. Раньше, лет двадцать пять – тридцать назад, он еще превышал полсотни людей, а в середине каждого сентября – значительно увеличивался, дополняясь приезжавшими автостопом, поездами и просто приходившими пешком единомышленниками и одиночувственниками.

Мимо монастыря Святого Альфонса провинции Чина наисвятейшего Избавителя шаги идущего прозвучали немного нервно. Было слышно, что идущий спешит. Улица Замарстиновская, по которой спешил идущий, могла бы когда-то дотянуться своей кирпичной рукой и до Брюховичей, но почему-то не сделала этого. Ее длине до сих пор могут позавидовать парижские бульвары, а если бы ее порезать на равные куски и переставить эти куски улицы правильно пересекающимися линиями перпендикулярно друг к другу, то вышел бы полноценный немецкий райцентр со славной историей. Ведь на ней, на Замарстиновской, чего только не было за ее длинную и всё еще продолжающуюся жизнь. Улицы живут долго, переживая людей, их населяющих, поколение за поколением. На Замарстиновской всегда много молились, производили и пили водку и ликеры, в фильмобазе областной конторы кинопроката хранили фильмы и тут же их показывали в кинотеатре имени Шевченко, учили садить сады и выращивать овощи, учили водить автомобили и даже лечили больных и раненых милиционеров. Впрочем, лечат их на этой улице до сих пор. И лечат, и отпевают в прибольничной часовне тех, кого не смогли вернуть в «строй». Всё должно быть по правилам, и всякое движение должно обладать знаком будущей законченности, как всякое предложение, сколько бы в нем ни было запятых, обязано заканчиваться точкой, многоточием или более эмоциональным знаком препинания.

Идущий, который прожил в самом конце этой улицы свою не бедную событиями жизнь, всегда носил Замарстиновскую с собой. Он ее чувствовал, как хороший водитель чувствует, не обращая на это сознательного внимания, габариты своей машины, заранее зная, в какую браму¹ она въедет, а в какую – нет.

¹ Имеется в виду арка.

Лицо идущего было заслонено от неба широкополой кожаной шляпой коричневого цвета. Из-под шляпы на плечи опускались длинные волосы с проседью. Все остальные детали можно бы и опустить. Разве что высокие, с виду военные ботинки, жестко зашнурованные, отечественные, надежной пешеходной модели, именуемой в последние 50 лет «говнодавы». Китайцы так и не научились делать эту модель. Им кажется, что на ее производство идет слишком много резины особой твердости и особого качества и слишком много грубой кожи. Последним оплотом производства «говнодавов» пока остаются Беларусь и Приднестровье. Но и во Львове остались еще умельцы, которые не только способны вручную цыганской иглой проколоть кусок толстой свиной кожи, но и так скрепить верхнюю часть ботинка с нижней, как не удалось Советской армии скрепить в 1939-м Западную Украину с Восточной. Да и по звуку шагов хороший сапожник всегда поймет: сфальшивил производитель или же по совести обувь смастерил. Ведь обе подошвы должны звучать в унисон. И во Львове, в городе тонкой звуковой культуры, это особенно важно. Нельзя, чтобы левый каблук стучал по булыжнику, как левый, а правый – как правый! Они должны звучать, как пара. Как влюбленная в дорогу пара.

У идущего в кармане зазвонил мобильник.

– Алик, ты далеко? – поинтересовался голос старинного друга.

– Мы же не немцы, нам спешить некуда, – ответил идущий. – А ты где?

– На Лычаковской.

– Понял, – сказал Алик. – Скоро буду.

Когда Алик подошел к закрытым воротам Лычаковского кладбища, из-под растущих рядом деревьев выступили человек десять. Вышли неспешно, обступили его, достававшего из кармана ключ от воротного замка.

Ключ уже шмыгнул в скважину к поворотному механизму, когда за спинами собравшихся, резанув слух, прозвучали «непарные» шаги. Алик тоже оглянулся и увидел двухметрового немного сутулого человека. Его длинные русые волосы как бы говорили: «Я – свой».

– Labas vakarus,² – негромко вымолвил он.

– Аудрюс?! – удивился вслух Алик, проведя по говорившему глазами и остановив взгляд на его остроносых и тонкоподошвенных туфлях. – На поезде?

– Да, через Киев, – кивнул тот.

Замершие на минутку люди ожили, стали подходить к Аудрюсу, обниматься. Алик обнял его последним.

– Давно тебя не было, – сказал.

Потом обернулся к воротам, провернул ключ, и стальная дуга навесного замка выскочила из паза.

По кладбищу шли молча. Поднявшись на холм, приостановились, осмотрелись. Алик призывающе махнул рукой и повел остальных за собой следом меж могилок и оградок. Стал у железного креста, словно специально спрятавшегося от посторонних захоронений за стволом старого дерева и двумя разросшимися кустами. Оградки тут не было. Длинноволосая немолодая кампания столпилась вокруг неприметной могилки. На ржавой табличке, приваренной к самой крестовине, невозможно было прочесть ни имени, ни фамилии покойного. Один из пришедших опустился на корточки перед крестом, уткнулся коленями в край могильной насыпи и достал из кармана куртки пакетик. Развернул. Выложил на всё еще зеленую траву баночку с белой краской. В руках появилась кисточка.

Твердая рука вывела на табличке белыми масляными буквами: «Jimmy Hendrix³ 1942–1970».

² Добрый вечер. (лат.)

³ Джими Хендрикс (полное имя Джеймс Маршалл Хендрикс) – американский гитарист, певец и композитор. В 2009 г. журнал Time назвал его величайшим гитаристом всех времен. Широко признан как один из наиболее смелых и изобретательных виртуозов в истории рока.

В безветренной тишине кладбища вдруг хрустнула ветка. Где-то совсем рядом. Алик напрягся, вслушиваясь. Остальные затаили дыхание.

Хруст повторился. Послышались немного суетливые шаги человека. Зашуршали жалобно опавшие листья под его ногами.

«Сторож?!» – подумал Алик.

Той же дорогой, между могилками и оградками, к ним приближался невысокий не длинноволосяй мужчина в кепке. Обычный чужой. Собравшиеся у могилы смотрели на его приближение безразлично. Любопытство – удел юных, а собравшимся было уже за пятьдесят.

– Прошу прощения за вторжение, – отчетливо, как теледиктор, произнес незванный гость, остановившись для разговора на вежливом расстоянии. – Я давно хотел... Хотел поговорить...

– Говорите, – спокойным голосом разрешил ему Алик.

– Вы меня не узнаете? – спросил мужчина и снял с головы кепку.

Лицо пришедшего, несмотря на ночное время, было достаточно освещено неполноправной, урезанной луной. Однако лицо это, хоть и освещенное, ни о чем Алику не говорило. Обычное лицо, каких мир наштамповал миллиарды: уши, нос, глаза, всё словно по единому ГОСТу, без брака, без запоминающейся или бросающейся в глаза ущербинки.

Алик отрицательно мотнул головой.

– Ну как же, – голос короткоостриженного наполнился обидой. – Мы были близки. Против вашей воли, конечно. Я – капитан КГБ Рябцев.

– Ой, – вырвалось у Алика, и он прищурился, всё еще глядя в лицо неожиданному собеседнику. – А здесь что вы делаете, капитан? Вы теперь, должно быть, капитан в отставке?

– Капитан запаса, – поправил Алика Рябцев. – Хотя это то же самое... Я извиниться хотел... И кое-что сказать.

– Ну, извиняйтесь! – пожал плечами Алик. – Только побыстрее. Мы ведь тут не вас послушать собрались, – и он кивнул на железный крест со свежей белой надписью.

Капитан надел кепку, кашлянул, словно прочищая горло.

– В общем, извините, ребята! И меня, и Мезенцева. Я недавно его похоронил... рак мочевого пузыря... Он тоже был за вас в ответе...

– Мы его должны слушать? – недовольным голосом спросил Пензель, крупный длинноволосяй и бородатый мужик в кожаной куртке, больше похожий на байкера, чем на хиппи.

– Ну, минутку послушаем, – выдохнул Алик. – Давайте, капитан, лаконичнее выражайтесь! Ребята теряют терпение и время!

– Если короче, – Рябцев заговорил тише и менее отчетливо, – то сначала вам от меня спасибо за то, что тридцать пять лет назад познакомили меня с Джими! Джими Хендрикс перевернул мне жизнь. Я из-за него потерял интерес к карьере. Поэтому я капитан, а не полковник... И именно поэтому мы с ребятами в 1978-м достали для вас частичку его тела, его кисть. Чтобы была у Джими своя могила и здесь, во Львове, и чтобы вам было куда ходить кроме Святого сада.

– Что?! – глаза Алика округлились. – Да его кисть привезли ребята из Прибалтики, а им помогла литовская диаспора в Штатах! Скажи, Аудрюс! – Алик обернулся к самому высокому из присутствовавших. – Помнишь?

– Да, – кивнул Аудрюс. – Помню этих ребят. Йонас, Кястутис, Рамунас...

– Конечно, вам передали кисть они, а им из Штатов ее передали наши люди, – капитан Рябцев снова произносил слова твердо и по-военному четко, как произносят правду или приказ. – Москва об этом не знала. Это мы с покойным Мезенцевым тут, во Львове, придумали спецоперацию в Штатах по частичной нелегальной эксгумации его тела. Оплатила Москва, но если б они узнали всю правду, я бы сейчас с вами не разговаривал...

Кто-то из слушавших очень тяжело вздохнул. Капитан поискал глазами вздохнувшего, выдержал паузу.

– Это я рассказываю для того, чтобы вы не держали на нас зла. Мы не были тупыми бульдогами. Я вам хоть сейчас могу биографию Джими Хендрикса по годам рассказать, могу слова его песен в оригинале по памяти прочитать. Петть не могу, извините! У моих родителей не было денег ни на пианино, ни на гитару. В детстве у меня был только один музыкальный инструмент – свистулька! Я еще рад, что не стал милиционером!

– Я тебя вспомнил, – сказал Алик задумчиво. – Если то, что ты говоришь, правда, то нам придется найти стол, за который мы все, – он обвел рукой собравшихся, – можем усесться. И нам придется выпить и вспомнить прошлое поподробнее.

– Всё, что я сказал, – правда, – произнес капитан Рябцев. – Мне нет смысла вас обманывать. Я не на службе. Уже пятнадцать лет, как не на службе.

Алик посмотрел себе под ноги, помолчал. Перевел взгляд на крест со свежей белой надписью.

– Джими, ты слышишь? – сказал он, обращаясь к кресту. – В наши с тобой отношения опять вклинились органы. Но мы не будем пересматривать наши с тобой отношения. Мы тебя не предали ни до 18 сентября 1970 года, ни после. И не было такого года, чтобы мы тут не собрались и не обновили твою могилку. Даже тогда, когда нам очень хотели помешать!

Где-то недалеко, громко завывая, пронеслась «скорая помощь». Сирена постепенно затихла.

– Ну что, ребята? – призывающе произнес Алик. – Я начну!

Он достал из кармана конвалютку с люминалом, взял таблетку, присел к могиле, опустил белую таблетку на землю и, подождав минутку, вдавил ее указательным пальцем внутрь, под корни травы.

– Спи спокойно, – прошептал и поднялся на ноги.

Капитан сделал шаг назад, словно не хотел мешать. Но остался стоять неподвижно, наблюдая за происходящим.

У могилы присел другой пожилой хиппи, на его ладони – заготовленная таблетка снотворного. Ритуал повторился. Следующим к могиле на корточки присел Аудрюс. Зашептал что-то на литовском. Потом тоже вдавил указательным пальцем в землю могильного холмика белую таблетку.

Небо над Лычаковским кладбищем потемнело. Закапал по еще не опавшим листьям деревьев и кустов дождик. Зашелестели листья, зашептались, навевая ощущения притаившейся опасности.

Алик бросил взгляд вверх.

– Всё, как год назад, – сказал он. – Пора...

Они отправились назад, к выходу, спускаясь с холма, обходя могилки и оградки, склепы и памятники.

В затылок Алику дышал Лёня.

– Море волнуется раз, – зашептал он вдруг, и его теплое дыхание коснулось ушей Алика. – Море волнуется два, море волнуется три, счастливой фигурой замри!

Глаза Алика выхватили из темноты большое распятие на каменном кресте. Лицо распятого Иисуса Христа показалось Алику на мгновение счастливым.

Когда ворота были уже закрыты на замок, прямо перед Аликом оказался капитан Рябцев. Он был ниже Алика почти на голову.

– Ну что, ребята, пойдём искать большой стол?! – спросил Алик и, не дожидаясь ответа, повернул направо и зашагал вдоль кирпично-решетчатого забора кладбища. Остальные последовали за ним. Замыкающим оказался капитан.

Вскоре забор кладбища остался позади. По обе стороны дороги теперь серели спящие дома улицы Мечникова. Алик вдруг ощутил слабость в ногах. Он шел впереди, он показывал путь своим старинным друзьям, тем, с кем вместе его забирали в юности в РОВД, и думал

одновременно о том, что там, впереди, никакого конкретного большого стола нет. А он был так нужен сейчас, этот стол. Раньше, в старые недобрые времена Советов, даже маленький прямоугольный кухонный столик, обставленный табуретками, казался большим и круглым. Те времена и те столы теперь в «двойном» прошлом: другой век и другая страна. Теперь хотелось полноценного стула – видно, задница с годами стала требовать нежности и удобств. А нежность и удобства на каждом шагу не встречаются.

– Может, в «Жорж»? – Теплое дыхание приятеля наполнило ушную раковину. – Там Генык в сторожах, пустит...

Алик, не сбавляя шагу, покосил взглядом на сказавшего.

– Нет, лучше... – заговорил он и осекся. Предложить что-то свое Алику не удалось.

Внезапно у него заболела голова, и еще сильнее ощутилась слабость в ногах. Перед глазами темный воздух зашевелился, словно кто-то в него струю сигаретного дыма пустил.

– Туман опускается, – произнес возникший справа, между Аликом и стенкой дома, капитан Рябцев. – Это нижний туман, – добавил он голосом знающего человека. – Он нас сейчас зальет... Лучше остановиться.

Алик остановился. Остановились рядом и следовавшие за ним. На глазах у всех, стоявших под надомной, освещенной слабенькой лампочкой табличкой «Лычаковская 84-А», темнота наполнялась воздушным молоком тумана.

Во рту у Алика, на языке, на небе ощутилась легкая сладость.

«Фабрика «Свиточ»?!» – подумал Алик. – Этот туман явно оттуда... воздушные отходы молочного шоколада?!» – усмехнулся он своим по-детски ироническим мыслям.

Уставился на исчезающую на его глазах надомную табличку.

– Алик, я пойду, – сказал голос капитана Рябцева. – В другой раз.

– В какой раз? – спросил Алик.

– Ты же ни разу не переселялся, – дружелюбно говорил капитан. – Адрес я твой с семидесятых знаю. Зайду, расскажу тебе всё. Может, даже завтра.

Ребята попрощались и растворились в этом внезапном ночном тумане. Остался рядом только Аудрюс, он стоял, почти касаясь плечом Алика.

– Поедем ко мне, – предложил Алик своему прибалтийскому другу. – У меня бальзам есть.

– У меня тоже, две бутылки «Трех девяток», – ответил тот.

Алик достал мобильник. Набрал фирму такси, но телефон диспетчера не отвечал. Набрал другую – тот же результат. И вдруг услышал звук мотора. Он помнил, что стоял рядом с дорогой. Нащупал подошвой ботинка край бордюра, стал вглядываться в сторону, откуда приближалась к ним всё еще не видимая, но уже слышимая машина. Ступил на проезжую часть, заранее подняв правую руку.

Из молочного тумана выплыли два желтка фар, совсем рядом. Алик сделал еще шаг, чтобы его было лучше видно. И тут завизжали тормоза, и машину понесло по мокрому булыжнику прямо на Алика. Правый желток фары не сильно ударил его в колено, и он отскочил, взмахнул руками, пытаясь найти равновесие и удержаться в вертикальном положении, но не удержался.

Машина остановилась. В салоне вспыхнул свет, и в этом свете Алик увидел два перепуганных лица. Одно принадлежало молодому, может быть, тридцатилетнему мужчине, второе было постарше. Острота носа и ухоженные усы старшего пассажира выдавали в нем иностранца, скорее всего поляка. Молодой открыл дверцу, вышел. Его руки дрожали. Он был в шоке.

– С вами всё в порядке? – спросил он Алика, который снова стоял на ногах, потирая ушибленное колено. – Я вас не видел!

– Ничего, ничего, – приговаривал Алик. – Аудрюс, ты тут? – оглянулся он.

– Тут, – ответил приятель, подходя поближе к машине.

– Может, вас отвезти куда-нибудь? – спросил водитель старенького «опеля», сцепив ладони в замок, чтобы унять дрожь.

– А я как раз машину ловил, чтобы ехать, – произнес немного отрешенно Алик. – На Замарстиновскую, в конец...

– Садитесь! – водитель открыл заднюю дверцу и теперь не без интереса во всё еще перепуганном взгляде рассматривал эту немолодую длинноволосую парочку приятелей.

Машина тронулась и будто поплыла внутри туманного молока, словно подводная лодка по темным, глубоким и непрозрачным водам.

– А вы мою улицу найдете? – не без сомнения в голосе спросил Алик.

– Или мы ее, или она нас найдет. Главное – не спешить. Вы ведь не спешите?!

Малая скорость успокоила Алика.

– Ты как? – спросил он у Аудрюса.

– Нормально.

– Как ты думаешь, Рябцев правду сказал?!

Аудрюс пожал плечами. Отвечать ему не хотелось, да и не было у него конкретного ответа.

Ехали с полчаса молча, и вдруг в расступившемся внезапно тумане появились стволы сосен и знакомый забор милицейской больницы.

– Ну вот, – выдохнул облегченно водитель. – Вам дальше?

– Ага, тут уже недалеко, – Алик кивнул. И снова оглянулся на Аудрюса. – Посидим у меня немного, отдохнем, – сказал.

– Мне бы поспать пару часиков, – проговорил Аудрюс устало.

– Тогда сначала поспим, а потом отдохнем, – сказал Алик и зевнул.

Глава 2

Высадив длинноволосых пассажиров, «опель» развернулся и поехал обратно, в этот раз в сторону центра.

– У нас такие хиппи давно вымерли, – сказал по-русски с заметным акцентом усатый пассажир. – Наркотики, гашыш... Хиппи вообще долго не жили, зато с сексом и весело! Мы еще спробуем?

– Что попробуем, пан Ярек? – удивился водитель, у которого из всего только что сказанного поляком в голове остались только слова «секс» и «весело».

– Ну а за что я тебе плачу, курва-мать?!

Водитель внимательно всмотрелся в дорогу. Туман рассеивался.

– Попробуем, – закивал он и зевнул, одновременно нажимая на педаль газа.

По протертым влажной тряпкой ночи булыжникам улицы Шпитальной, раздвигая туман фарами и корпусом, «опель» Тараса «мчал» со скоростью двадцать километров в час. Машину трясло – не пристегнутый ремнем безопасности пассажир подпрыгивал на правом переднем сиденье. Тарасу даже эта скорость казалась опасной. Но никакой туман не был в силах отменить наступивший в Украине двадцать лет назад капитализм. А капитализм – это жестко. Хочешь есть – иди работай!

– Ну как? – остановив машину, спросил Тарас у пана Ярека, поляка лет пятидесяти, специально приехавшего во Львов.

Месяц назад этот поляк нашел в Интернете рекламную страничку Тараса и заинтересовался. Заинтересовался – и приехал. Сколько сюда от Польши ехать? Смешно подумать. Польша вполне могла оказаться пригородом Львова – такие тут расстояния!

– Вы если устали, то пристегнитесь! – добавил Тарас. – Или можем уже и закончить на сегодня?

– Нет, – мотнул головой поляк и перешел с ломаного русского на польский. – Вещь цо... Може йеще трохэ... минут петнацца... – Пан Ярек говорил, стиснув от боли зубы. Его глаза были потухшими, такими же, как и голос.

– А может, всё-таки лучше завтра продолжим? – уже тише и осторожнее попробовал Тарас настоять на своем после минутной паузы. – В таком тумане...

– Завтра?! То задрого бендже... Хиппи ваших одвозили, тоже за муй рахunek?

– Ладно, – выдохнул Тарас.

Серый «опель вектра» с длинной и международной биографией – Германия конца восьмидесятых, Польша девяностых, Беларусь двухтысячных и вот теперь Украина 2011 года – тронулся и покатился по горбатому, неровному булыжнику, передавая водителю и пассажиру в точности каждую вибрацию, каждый толчок, каждую ямку.

Тарас наклонился поближе к лобовому стеклу. Он почти лежал грудью на руле. Всматривался. Стрелка спидометра поднялась до «60». Пассажир молчал, подпрыгивая на дороге вместе с машиной и ее водителем.

Лично разработанные «лечебные» маршруты по ночному Львову Тарас знал наизусть. Не просто названия улиц, а даже мимо каких домов они проезжают и какие машины под этими домами чаще всего стоят. Если бы не туман – никаких проблем.

Пан Ярек резко застонал, бросил руки в пах, зажал между ляжек, затянутых в джинсы, так, словно хотел их согреть.

Тарас покосил взглядом на пассажира. На его губах появилась едва заметная улыбка. Решительнее нажал на педаль газа, и машина понеслась по плотно затуманенной улице как бешеная.

В глазах Тараса застыли одновременно азарт и страх. Страх присутствовал на самом кончике его взгляда, упиравшегося вместе с лучами фар в туман. И хоть фары пробивали туман метров на двадцать, но, появившись на дороге какая-нибудь преграда, неважно – живая или нет, машину вовремя было бы уже не остановить. Мокрый булыжник не намного лучше обычного гололеда.

Неожиданно «опель» подбросило так, что Тарас, в этот раз не пристегнутый, коснулся макушкой потолка салона. Поляка тряхнуло посильнее, и он сцепил зубы, словно пытаясь остановить вой, пытавшийся вырваться из его нутра наружу.

Тарас бросил нервный взгляд на пассажира.

– Стой, стоп! – заорал пан Ярек, расцепив зубы, и тут же словно судорога скрутила всё его тело. Скрутила и сразу же отпустила. Он обмяк, как-то весь сжался, опустил локти к ногам. Губы на его побледневшем лице вытянулись в трубочку, словно он собирался свистнуть.

Тарас ударил ногой по педали тормоза. «Опель» бросило к бровке.

Поляк протянул левую руку к Тарасу. Рука дрожала. Тарас мгновенно, заученным движением вытащил из-под своего сиденья литровую стеклянную банку и передал поляку.

Выключил двигатель. Замер. Туман с навязчивым любопытством облепил собою «ослепшую» машину и ее обитателей.

А пассажир, продолжая стонать, открыл дверцу. Торопливо и одновременно неуклюже выбрался наружу. Остановился спиной к машине, спустил джинсы, наклонился вниз. Рукава кожаной куртки странно-жестко шелестели из-за движений его рук.

Тарас закрыл глаза. Нет, особой усталости он не ощущал. Его биологический ритм давно включил в себя ночные поездки по городу. Просто туман обычно не входил в его планы. Туман всегда мешает. Но всё-таки туман куда лучше, чем снег или гололед! А ведь выпадет снег, потом растает, потом снова ударит морозец – и всё, прощай, заработок, до весны! Удивительно, что работа, как-никак напрямую связанная с медициной, и та может оказаться сезонной! Хотя существуют же сезонные заболевания! Тарас, правда, к лечению этих сезонных заболеваний никакого отношения не имел. В этом, пожалуй, и заключался главный парадокс.

В полной тишине прозвучал звонкий удар камешка о стекло, и тут же зажурчал ручеек – поляк мочился в дрожащую в его руках стеклянную банку.

Потом бжикнула железная «молния» – поляк застегнул «молнию» то ли на джинсах, то ли на куртке.

До ушей Тараса долетело тяжелое и частое дыхание пассажира. Тот еще стоял, теперь неподвижно и беззвучно. Стоял перед спящим трехэтажным домом, перед спящими окнами города. Он находился метрах в двух от фасада здания, и даже в этом коротком промежутке между камнем и человеком, только что избавившимся от маленького, но назойливого почечного камешка, висел туман.

Тарас терпеливо ждал. Снова послышалось журчание – пассажир аккуратно выливал мочу из стеклянной банки в канализационную решетку.

Через пару минут он осторожно сел на свое место рядом с водителем. Опустил на коврик под ноги пустую банку, а водителю протянул раскрытую ладонь, на которой лежала мокрая серая крупинка, маленький, размером с гречневое зернышко камешек. Тарас включил свет в салоне, аккуратно взял двумя пальцами крупинку, поднес к глазам.

– Поцо вам это? – спросил поляк хрипловатым, всё еще сдавленным от воспоминаний недавней боли голосом.

– На память, – спокойно и негромко ответил водитель. – Что б было, что детям показать, когда спросят: а что ты, папа, раньше делал?

Усталая улыбка сделала лицо Тараса приветливым.

– Маш джечи? – безразлично спросил поляк, перешедший на полусшепот.

– Нет, и жены нет тоже.

– А иле маш лат?

– Тридцать семь.

– О! Да вы младше вашей автувки! – усмехнулся пассажир.

– Нет, она младше. На пару лет.

Поляк снова полез во внутренний карман куртки и извлек оттуда бумажник.

– Вот, – протянул он Тарасу несколько купюр по двадцать злотых.

– Вас в отель подвезти? – вежливо спросил Тарас.

– Я пешком, я тутай рядом, в «Старом Кракове», – поляк опять перешел на ломаный русский.

Пассажир выбрался из салона, махнул рукой на прощанье и исчез в тумане.

Тарас закрылся в машине. Достал из бардачка маленький пластмассовый тубус из-под гомеопатических шариков от кашля и опустил внутрь камешек, полученный от поляка. Выключил освещение.

Захотелось вздремнуть. Опустил спинку водительского кресла, откинулся, закрыл глаза. В салоне было темно, тепло и уютно. Этого тепла хватит на полчаса – час, а потом сырая прохлада сама его разбудит.

Глава 3

Воздушная сырость, просочившаяся в салон «опеля» через едва приспущенное стекло дверцы, дотронулась до щек Тараса. И он проснулся. Полусонный, сразу полез рукой в карман куртки и вытащил заработанные этой ночью злотые. Включил свет в салоне. Глаза, направленные на зажатые в пальцах купюры, наполнялись резкостью. Голова, казалось, уже полностью отошла от дремы, но ноги и руки пока не слушались. Заснул он сидя, а сон в такой позе телу не нравится. Вот оно и мстит. «Надо бы размяться», – подумал Тарас. Потянулся, поднял спинку сиденья. Завел мотор.

«Домой рановато, еще соседа разбужу, – решил он. – Поменяю-ка я лучше злотые и посижу часиков до шести в Интернет-кафе».

Взглянул на часы. Половина пятого.

Фары осветили тонкий туман, пробили его метров на сорок.

Тарас хмыкнул, обрадовавшись тому, что туман рассеивается. Мимо серого «опеля» поплыли неспешно дома улицы Шпитальной.

Как ему надоела эта осень. Дожди, туманы. Почти как в Лондоне, в котором он никогда не был. До лета далеко. А было бы неплохо сейчас попасть в лето, в тепло. Искупаться где-нибудь в море или в речке...

На лице Тараса четко выразилась страдальческая гримаса. Кто придумал построить это роскошный город так далеко от моря? Хуже того – далеко от воды! Вокруг сплошная суша, ближайший пляж – в Винниках, но там летом ступить негде. Может, уехать? Перебраться в Одессу?! Одесса тоже прекрасный город, к тому же на море!

Впереди справа появилась трамвайная остановка, а рядом с ней кирпичная постройка для предоставления двух очень важных для каждого человека услуг, о чем сообщали две скромные вывески: «Ремонт часов» и «Обмен валюты». Ремонт часов, конечно, ночью никто не делает, а вот окошко обменника горело ярким желтым светом. К этому окошку по улице Ивана Франко Тарас подъезжал иногда по три-четыре раза в неделю. Это если, конечно, была работа. Иногда мог и неделю не приезжать. И тогда оставалось только сидеть дома, читать книги и газеты или бродить-блудить по Интернету.

А ведь он мог бы так же комфортно и без особых претензий жить и в Одессе, тоже на втором этаже. Так же, как и тут, во Львове. Он был бы не против, даже если бы там, в воображаемом одесском доме, так же скрипели деревянные ступеньки и была такая же удивительная сквозная проницаемость звуков. Ему наплевать. Было бы море! И люди вокруг! Будут люди вокруг, найдутся и клиенты для его надежного заработка. Главное – найти в Одессе плохие дороги. Но разве это проблема? Нет, наверное, в стране города, в котором трудно было бы найти неровные булыжниковые мостовые! И слава богу!

Машина остановилась напротив обменки. Не заглушив мотор, Тарас выбрался из салона. Подошел к светящемуся окошку.

Слегка затемненное стекло с маленькой вырезанной нишей внизу для прямого контакта с клиентами позволило рассмотреть симпатичную девушку – бессменную ночную работницу этой круглосуточной обменки. Кто работал в этой обменке днем, Тарас не знал. Как-то не получалось у него пользоваться услугами «дневного» обмена валюты.

– Доброй ночи! – Тарас улыбнулся, глядя ей в глаза и просовывая в вырезанную в стекле нишу честно заработанные злотые.

– Доброй, – она кивнула.

Ее рука в белой ажурной матерчатой перчатке, уходящей под рукав красного свитера и, наверное, доходящей почти до локтя, забрала купюры.

Тарас увидел, как она покрутила в руках каждую из них.

– Вот, возьмите, – просунула она в нишу гривны.

– Вам там не холодно? – игриво поинтересовался Тарас, задержав взгляд на ее тонких пальчиках, скрытых тканью перчаток.

– Не беспокойтесь, – ответила она. – У меня тут тепловентилятор.

Тарас прислушался и действительно услышал легкое жужжание.

– А я думал вас на кофе пригласить... Если вам холодно.

– Будет холодно, сама напрошусь! – немножко ехидно прозвучал ее голосок.

Тарас, уже подойдя к машине, на мгновение обернулся. Лица девушки отсюда было не разглядеть. Яркая лампа, светившая в обменнике, выталкивала свой свет в окошко с такой силой, что он бил по глазам.

Тарас оставил «опель» под своим домом на Пекарской, а сам отправился пешком к ближайшему «Интерактивному клубу».

Загадочно тусклое освещение подчеркивало, должно быть, то, что заведение это круглосуточное и не очень популярное. Несколько столиков с компьютерами, слева – голая барная стойка, справа от нее – холодильник со стеклянной дверцей, за которой стояли рядами бутылки пива, колы, воды. Но вокруг – никого.

– Эй! – негромко крикнул Тарас.

– Че, кто там? – прохрипел из-за барной стойки мужской голос.

Тарас подошел поближе, увидел парня, заспанного, с помятым лицом, в мешковатом свитере.

– Вам че, Интернет? – сонно спросил он.

– Нет, сначала пива, потом кофе.

– Кофе нет, пиво есть. Берите в холодильнике.

Тарас взял бутылку. Протянул парню. Тот открыл, достал чистый стакан.

– Может, вам Интернет включить? – предложил.

– Включи, – пожал плечами Тарас.

Парень вышел из-за барной стойки, присел за компьютер. Монитор засветился, появилось изображение.

– Ну вот, садитесь! – уступил он место Тарасу.

Тарас устроился за компьютерным отсеком. Справа и слева его индивидуальное пространство защищали деревянные перегородки.

Монитор освещал маленькую столешницу с клавиатурой и мышкой лучше, чем любая лампа. Тарас отодвинул от себя клавиатуру. Налил пива в стакан. Пригубил. Потом достал из кармана темно-синей китайской куртки белый пластиковый тубус из-под гомеопатических шариков. Открыл. И аккуратно высыпал на стол два десятка маленьких камешков. Некоторые из них были темнее, некоторые светлее, но все они были серыми. Отпил пива еще раз и стал пальцами эти камешки двигать.

– У тебя лупы нет? – крикнул он в сторону бара.

– Нет, – ответил парень. – Ручка и бумага есть, а лупы...

– О! Дай мне бумаги! – попросил Тарас.

Парень принес чистый лист А-4.

Тарас сразу сдвинул ладонью камешки на белое полотно бумаги. Они стали заметнее.

– Что это? – спросил задержавшийся за спиной клиента работник круглосуточного Интернет-клуба.

– Это? – переспросил, обернувшись, Тарас. – Это лечебные камни, – пошутил он.

– А отчего они лечат?

– Еще не знаю, надо провести несколько экспериментов...

Парень, перед тем как отойти обратно к барной стойке, одарил Тараса подозрительным взглядом.

Допив пиво, Тарас аккуратно ссыпал с бумаги камешки обратно в пластиковый тубус, закрыл его и сунул в карман.

Расплатился и ушел.

Туман уже начинал подниматься над Львовом, словно улицы сами выталкивали его вверх.

Скрипнула дверь парадного. Тарас посмотрел на деревянные ступеньки, каждая из которых, как клавиша расстроенного рояля, издавала непредсказуемый звук. Пятая ступенька была самой громкой и пронзительной. Ее звук каким-то образом сразу будил соседа с первого этажа – злопамятного Ежи Астровского, бывшего парикмахера, бывшего банщика, бывшего переплетчика и бывшего охранника универмага. Сейчас Ежи Астровского можно было назвать просто «бывшим». Больше он нигде не работал, зато регулярно пил и, напившись, искал собеседников, при этом исключительно трезвых. К пьяным он сам в пьяном состоянии никогда не подходил – боялся. Может, этим поведением он хотел подчеркнуть, что и сам он опасен, когда пьян? Но в исходящую от него опасность верилось с трудом. Внешне он был пушист и котовобразен. Даже когда он скандалил с Тарасом из-за шума, по его лицу, худому, изящному, с тонкими чертами, было очевидно, что он нуждается в ласке и жалости, а из-за отсутствия оных он и скандалит.

Тарас переступил пятую ступеньку и, преодолев еще с десяток, остановился у своей двери.

Из тихого приемничка-брехунца, стоящего с незапамятных времен на кухонном столике, донесся гимн Украины.

– Шесть часов, – Тарас зевнул. – Пора ложиться. Кто с гимном ложится, тому Бог дает!

Тарас со школьных лет старался быть человеком слова. Вот и в этот раз он сказал и уже через пять минут лег, пытаясь подсчитать: что же ему дал Бог за прошедшую рабочую ночь? Что и сколько?

Глава 4

Через открытую форточку кроме прохладной сырости в однокомнатную квартиру Тараса залетел еще и звон недалекого трамвая. Но Тарас сладко спал. Ему снился Жириновский, грубый и решительный, и говорил почему-то Жириновский во сне по-украински, но говорил правильные слова: «Украина должна быть от моря и до моря! Мы ще вмочимо украинские чоботы в Индийскому океани!»

И тут же приснилось Тарасу, что он спит и видит этого Жириновского во сне, а сам, в верхнем сне, в как бы более подконтрольной сознанию оболочке сна, думает о том, что нужны Украине свои Жириновские, свои, украинские до мозга костей. И пускай они будут отъявленными демагогами и даже идиотами, но служить они будут украинскому народу верой и правдой, внушая бдительность по отношению к врагу и толково объясняя само понятие «врага отчизны». Кроме этих мыслей что-то еще постороннее относительно Жириновского и Украины присутствовало на недодуманном и недосказуемом уровне. Присутствовало и как бы зудело, требуя внимания, как зудит только что укушенное комаром место. Еще, должно быть, минут двадцать сна, и понял бы, дождался бы Тарас прояснения этой недодуманности. Но тут зазвенел дверной звонок, встряхнув тело спящего хозяина квартиры своей физической неожиданностью. Вслед за этим выбралась из своего спящего состояния. И прежде чем исчезнуть, слились в одну обе оболочки его непростого сна.

Открыл глаза. Звонок уже затих, но он успел пройти насквозь через его слух, и эхо звонка всё еще звенело в воздухе квартиры и внутри головы.

Тарас никого не ждал, а значит, в дверь мог сейчас звонить только его сосед снизу. Но с какой стати? Ведь помнилось Тарасу очень отчетливо, как он переступил пятую ступеньку лестницы. Стало быть, разбудить его раннее возвращение домой могло соседа только в одном случае – если тот вообще не спал.

Тарас надел белый махровый халат, списанный из гостиницы «Жорж» знакомым банщиком. Влез ногами в шлепанцы и отправился к двери, настраиваясь на умеренную грубость, чтобы сократить до минимума общение с соседом.

Щелкнул замком и открыл деревянную дверь, украшенную следами от бывших замков, неработающими замками и двумя, которые всё еще подчинялись ключам.

Перед ним стояла Оксана, давняя знакомая Тараса, в длинном пальто серо-зеленого цвета. На лице извечная улыбка, за которой могло прятаться любое настроение: от ехидного и раздраженного до светлого и праздничного. У ее ног лежала объемная хозяйственная сумка, закрытая на «молнию».

– Что, не ждал? – удивилась Оксана, осматривая махровый халат с вышитым красными нитками словом «Жорж» на нагрудном карманчике.

– Нет, – признался Тарас, не двигаясь с места.

– Чего стоишь? – улыбка исчезла с губ Оксаны. Она показала взглядом на сумку. – Бери, занося! Только осторожненько!

В кругу общих знакомых было принято слушаться Оксану. Не то чтобы она командовала или решала, что кому делать. Просто хоть она и была актрисой, но природа дала ей характер режиссера.

Тарас поднял сумку, сразу ощутив ее тяжесть. Попятился с сумкой коридором прямо в комнату. Оксана зашла следом. Закрыла за собой дверь. Сняла и повесила на крючок вешалки пальто, сбросила сапожки. Нашла тапочки и – в комнату.

– Ну, давай я тебя поцелую! За уши дергать буду потом!

Потянулась к Тарасу, растерянно остановившемуся у столика.

– У меня че, день рождения? – сам себя спросил он. – А какое сегодня число?
Оксана рассмеялась.

– В паспорте посмотри, какое сегодня число! Восемнадцатое сентября!

– Елки-палки! – выдохнул Тарас.

И тут же попал в крепкие руки Оксаны. Обе ее ладони теплыми тисками сжали его виски и придвинули голову к ее губам.

– Ну, с днем рождения, Тарасик!!!! – сказала она и смачно поцеловала его сначала в губы, а потом, как ребенка, в лобик и в щечку.

Отпустив голову именинника, Оксана оглянулась по сторонам.

– Я чего-то не понимаю, – сказала. – А шампанское что, в холодильнике?

Ее взгляд требовательно уперся в глаза хозяина квартиры.

– Я сейчас, пять минут... – залепетал он. – Только переоденусь. Как раз и деньги вовремя поменял!

Бросив халат на растеленный диван, Тарас натянул брюки, свитер.

– Секунду! – крикнул он уже от двери.

И дверь хлопнула, закрываясь. Заскрипели, как закричали, ступеньки лестницы под его ногами.

Оксана уселась на стул. Ее вдруг привлекло едва слышимое жужжание со стороны занавешенного двухслойным тюлем окна.

Подошла, чуть не споткнувшись о принесенную с собой хозяйственную сумку, отодвинула тюль и увидела на широком подоконнике самодельную тепличку из плексигласа, внутри которой росли кругленькие кактусы без колючек, а над ними светили три тонкие длинные лампы дневного света.

Оксана так увлеклась разглядыванием странных лысых кактусов, росших в пластиковых кубиках, что не услышала, как скрипнула, открываясь, дверь и как вошел в квартиру Тарас с пакетом в руке.

– Всё, шампанское есть! – радостно объявил он.

Быстренько достал из старенького буфета два бокала. Выложил из пакета уже в магазине нарезанные ветчину и колбасу, сыр.

– погоди, а подарок?! – остановила его суету Оксана. – Так, иди сюда!

Она наклонилась к сумке, бжикнула «молнией» и развела в стороны края разомкнувшейся сумки.

Первым делом достала из нее и передала в руки имениннику маленький пустой аквариум.

Тарас присел на корточки рядом. Опустил аквариум на паркет. На лице – удивление, взгляд застыл на сумке, словно оттуда сейчас Оксана, как фокусник, собиралась достать за уши огромного кролика.

– Бери и красиво разложи на дне! – протянула Оксана Тарасу увесистый пакет с морскими камешками.

Настроение Тараса потихоньку становилось действительно праздничным. «Ну, молодец, – подумал он об Оксане. – Не может без сюрпризов!»

Следом за пакетом с морскими камешками из сумки была извлечена шестилитровая пластиковая бутылка с не очень прозрачной водой.

– Специально в Винники на озеро заезжала, – пояснила Оксана происхождение воды. – Видишь, сколько из-за тебя моя «Чебурашка» сегодня наездила! Выливай, только аккуратно!

Тарас наполнил аквариум водой, а перед ним уже появился прозрачный кулечек, в котором, тоже в воде, только совершенно прозрачной, колыхались водоросли, росшие в коричневых пластиковых мини-горшочках.

– Эту воду тоже туда? – осторожно спросил Тарас.

– Можно!

Аквариум на глазах наполнялся жизнью. Именинник опустил три горшочка с водорослями в аквариум, и длинные листья-лопасти заколыхались в потревоженной руке Тараса.

А из сумки уже появился очередной пакет с прозрачной водой, в которой нервно, короткими рывками плавали красно-синие экзотические рыбки, одни по размеру не длиннее мизинчика, а другие – не меньше указательного.

Минуту спустя аквариум был уже наполнен не только водой и камнями, но и подвижной жизнью.

– Ну вот, теперь тебе будет тут не так одиноко! – сказала Оксана, с гордостью глядя на свой подарок. – Нравится?

– Нет слов! – удивленно мотнул головой Тарас. – Только куда его лучше поставить?

– Как куда? – удивилась гостья. – У тебя на подоконнике как раз хватит места! Рядом с кактусами.

– Да я хотел туда еще одну тепличку... Может, лучше на подоконник в кухне?

– Как раз туда лучше твою вторую тепличку! – отрезала Оксана решительно. – Живым рыбкам на кухне не место! Они могут тебя неправильно понять!

Тарас рассмеялся.

– Они что, еще и людей понимать могут? – с ехидцей в голосе изрек он.

– Не всех. Но таких, как ты, – смогут. Если ты будешь к ним нормально относиться. Кстати, это очень полезные рыбки! Ты даже себе не представляешь! Они тебе жизнь спасти могут! Мне продавец сказал!

– Ой! – Тарас расплылся в широкой улыбке, и тут же Оксана заметила, что этим утром он зубы не чистил.

– Будешь смеяться – подарю тебе в следующий раз тюбик «Колгейта»!

Тарас намек понял и спрятал зубы за сомкнувшимися губами.

– Этот вид живет в японских озерах и чувствует приближение землетрясения! Усёк? Если вдруг они начинают восьмерки по поверхности выписывать – можешь сразу выбегать на улицу!

Тарас замолчал. Лицо его стало нестерпимо серьезным. Он уставился на красно-синих рыбок, которые мирно и неспешно осваивали новое водное пространство.

– А ты что, тоже веришь, что скоро будет землетрясение?

– Верю или не верю, а готовиться надо! Уже сколько раз об этом писали! Горы ведь совсем рядом! Так, ставь рыбок на подоконник и наливай!

Тарас аккуратно поднял с паркетного пола аквариум. Локтем сдвинул двойной тюль и опустил аквариум на подоконник справа от теплички.

– А зачем ты кактусы бреешь? – спросила из-за спины Оксана.

– Это такой вид! Они от природы лысые. Называются лофофора Вильямса. Уникальные кактусы! С их помощью ацтеки и майя со своими богами разговаривали. Как-нибудь расскажу!

Как только Тарас выстрелил шампанским в высокий потолок, от которого тут же отвалился кусочек штукатурки, из коридора донесся длинный звонок в дверь.

– Мать его! – вырвалось у Тараса. – Вот сука же! Обязательно момент испортит!

– Кто это?

– Да сосед! Понимаешь, я случайно на пятую ступеньку наступил... Ну когда за шампанским выбегал... А он по этому поводу каждый раз скандал устраивает.

Тарас шагнул к двери, ведущей в коридор.

– Стой тут! – остановила Оксана его решительно. – Я сама.

За дверью Оксана увидела мужчину в спортивном костюме с изрядно помятым лицом и беспорядочно взъерошенными слегка кучерявыми волосами на голове. Его изначально сердитое выражение лица под вопросительно-требовательным взглядом Оксаны «поплыло» и стало извинительно-нейтральным.

– Вы пришли поздравить Тараса с днем рождения?!

– Я? – повторил он, нахмурившись от мысли. – А что, сегодня?... Да, да, конечно!

– А где бутылка? – спросила Оксана, опустив свой выразительный взгляд на сцепленные в замок ладони соседа.

– Бутылка? – переспросил он, будучи не в состоянии сосредоточиться на неожиданной ситуации. – Бутылка... Водки?

– Ну да, бутылка водки! – Оксана кивнула. – Несите! Мы ждем! Да, Тарас? – она оглянулась назад.

– Ага, – услышался нетвердый голос хозяина квартиры.

Сосед затрепал по ступенькам вниз, к себе.

– Я дверь открытой оставляю! – крикнула ему в спину Оксана. – Только быстрее!

Через минут пять он действительно появился с бутылкой водки в руках. Одет он уже был в неглаженный коричневый костюм. На розовой рубашке топорщился широкий и короткий галстук зеленого цвета, рубашка была неряшливо заправлена в брюки, на босых ногах – тапочки.

– Заходите, заходите! – крикнула ему Оксана из комнаты.

Сосед прошел по коридору и остановился в дверном проеме.

За круглым столиком уже сидели именинник и его гостья. Три наполненных шампанским бокала приглашали к немедленному действию.

Сосед сел на свободный стул, поставил рядом с бутылкой шампанского бутылку водки и посмотрел пытливо на женщину, обладавшую не только командирской дикцией, но и непреклонным взглядом.

– Если можно, – заговорил он, – меня зовут Ежи Астровский...

– Можно, – кивнула Оксана, протягивая руку за бокалом.

– Я – бывший парикмахер и мог бы дать вам совет...

– Потом, – оборвала его Оксана и указала взглядом на Тараса. – Сначала тост за именинника!

– Да, да, – Ежи взял бокал в руку. – Поздравляю! По-соседски желаю мира... любви, – при этом слове он покосил взглядом на Оксану, – счастья, и, главное, чтоб были деньги... Вот.

Тост разморозил именинника, пребывавшего во внутреннем замешательстве из-за внезапности наступления собственного дня рождения.

Три бокала нашли общую точку соприкосновения над столиком, покрытым желтой льняной скатертью с неотмывающимися следами былых праздников. Из бокала именинника выплеснулись несколько капель шампанского, и упали они прямо на порезанную салями.

– Спасибо! – Тарас кивнул. – Я очень тронут. – Взгляд именинника, дотронувшийся до глаз соседа, совершенно серьезно подтвердил значение сказанных слов.

Сосед выпил шампанское одним глотком. Наблюдавший за ним именинник сделал то же самое. Только Оксана оказалась скромной – ее бокал был еще почти полным. Тарас потянулся к шампанскому.

Оксана деловито открыла бутылку водки.

– Мой папа, – заговорила она, переведя взгляд с хозяина квартиры на его соседа, – когда был военным, с друзьями всегда коктейль «Северное сияние» делал, и ничего! Ничего не болело.

– А что это за коктейль? – живо заинтересовался Тарас.

– В полстакана шампанского вливается полстакана водки.

Ежи Астровский вздрогнул, услышав рецепт коктейля.

– Я пойду, пожалуй, – негромко проговорил он, остановив взгляд на бутылке водки в руке у Оксаны. Его глаза выражали тоску и нежность.

– Нет, вы не можете так быстро уйти! Это не по-соседски! – Оксана смягчила голос.

Сосед обреченно кивнул. Перевел взгляд на Тараса.

Именинник налил себе и соседу по полбокала шампанского, а Оксана долила в их бокалы водки.

– Вы должны мне кое-что пообещать, – под конец недолгого застолья обратилась Оксана к Ежи.

– Что? – испуганно спросил сосед именинника, сжимая в руке пустой бокал.

– Напоминайте Тарасу, что он теперь живет не один! – попросила Оксана.

Сосед задумчиво и в то же время смятенно осмотрелся по сторонам, потом возвратил взгляд на Оксану.

– Хорошо...

– Напоминайте, что рыбок надо кормить ежедневно. – Она кивнула на подоконник. – И договоритесь с ЖЭКом, чтобы ступеньки на лестнице починили.

– Да я им уже сто раз говорил, а они пятьдесят гривен требуют! – Из соседа вырвалось привычное для него возмущение.

Оксана молча достала кошелек и вытащила оттуда пятьдесят гривен.

– Оксана! Я сам! У меня есть! – Тарас, лицо которого уже отражало сложную сущность выпитого коктейля, поднял над столом руку. Его пальцы крепко сжимали смятые купюры, вытащенные из кармана джинсов.

– Да я... – Ежи побегал глазками от пятидесятки в руке у Оксаны до мятых двадцаток в руке у Тараса. – Я организую. Я сделаю!..

Он осторожно вытащил у Тараса три двадцатки, поднялся на ноги, кивнул на прощанье и ушел.

– Тебе посуду помыть? – спросила Оксана.

– Я сам, оставь!

– Ну, ладно! – кивнула гостя. – Я тоже пойду, есть дела! Про рыбок не забывай!

Оставшись один, Тарас подошел к окну, понаблюдав за рыбками, спокойно плававшими вокруг водорослей.

– Сегодня, похоже, землетрясения не будет, – прошептал сам себе Тарас. – Значит, можно еще немножко поспать.

Перед тем как снова улечься на диван, он бросил взгляд на стол с неубранной посудой и решительно отмахнулся от него рукой.

Глава 5

Алик и Аудрюс проснулись еще перед заходом невидимого в этот день солнца. За окном квартирки Алика в самом конце Замарстиновской улицы пытался еще бодриться день, насупленный низкой облачностью. В голове у обоих немного шумело – видимо, из-за рюмки «Немирова» и нескольких рюмок литовского бальзама «Три девятки», выпитых в память о Джими Хендриксе. Спали они одетыми. Алик на своем вечно разложенном диване поверх одеяла. Аудрюс заснул, не поднимаясь с кресла.

– Ты надолго? – спросил, протирая глаза, Алик.

– Не знаю, – Аудрюс пожал плечами. – Я же переехал. У меня теперь хутор километрах в сорока от Вильнюса. Рядом – никого.

– Это хорошо, – закивал Алик. – Мне тоже иногда хочется, чтобы рядом – никого! Но есть своя прелесть и в обратном... Хотя у меня тут рядом только мачеха да несколько миролюбивых соседей. Что-то у меня в животе скучно...

– Я б тоже съел... и выпил бы...

– Выпить легче. – Алик поднялся с дивана, размял плечевые суставы. – Когда человек пьет, у него только слух работает! А вот чтобы жевать, нужна энергия...

– А у тебя есть что пожевать? – поинтересовался Аудрюс.

Алик отрицательно мотнул головой.

– Был хлеб, было масло, но я каждый год к восемнадцатому сентября пощусь... сбрасываю вес...

– Ну так давай куда-нибудь сходим, – предложил литовец.

Алик задумался.

– Можно было бы в круглую чебуречную возле озера... Но чебуреки без пива нельзя... А я... я еще не готов к обжираловке. Как ты думаешь, наш гэбист правду сказал? Это же при тебе было...

– У меня память на пустую голову и трезвый желудок не работает, – выдохнул Аудрюс.

– Ты ничего не перепутал? – уставился на товарища Алик.

– Что перепутал? – удивился Аудрюс.

– Ну... пустая голова... трезвый желудок...

– А-а! А я что сказал?! Русский забываю потихоньку, на хуторе по-русски говорить не с кем.

– Так ты и так сказал, что вокруг никого и что ты на хуторе один.

– Вот и говорю, что не с кем! – Аудрюс для убедительности своих слов закивал. – Может, у тебя рижские шпроты есть? – спросил он. – Раньше в каждом доме был запас рижских шпрот!

– Откуда у меня рижские шпроты?! Пошли! – Алик призывно махнул рукой.

На улице пахло сырой лесной прелостью. За негустым частоколом сосновых стволов мелькали машины, несшиеся в сторону Брюховичей.

За спиной у довольно стройных для своего возраста хиппи завелась машина. Алик обернулся, увидел за лобовым стеклом желтого «москвича» лицо соседа по двору. Махнул ему рукой – то ли приветственно, то ли вопросительно.

– Подвезти? – вежливо поинтересовался сосед, опустив книзу половину стекла дверцы.

– Угу, – кивнул Алик.

Они уселись на заднее сиденье, жесткое и немного колючее из-за выпирающих снизу пружин.

Машина выехала на дорогу и повернула налево, в сторону города.

– Вам куда? – полуоглянулся водитель.

– Да, думали в Брюховичи... в чебуречную...

– Не, я на Повитрянну, – проговорил сосед и нажал на тормоз.

– Поехали, поехали! – ободрил его Алик, не желавший выходить из «москвича» и снова оказаться на улице перед выбором, который начинал раздражать. – Там, кажется, тоже кафешка есть!

– Да, – оживился сосед. – Кафе «Кафе» на Повитрянной, 24! Там такие смешные цены! Зэнык с Ткацкой там недавно на пятнадцать гривен так напился, что два дня на работу не ходил... Его там и спать оставили, вот какой сервис! Попробуй в «Макдональдсе» засни! Ни в жизнь! Вышвырнут, как... как... – сосед-водитель то ли потерял нить, то ли просто одно нужное слово и снова полуоглянулся назад, к своим пассажирам.

– ...как тварь последнюю? – предложил свой вариант концовки Аудрюс с мягким литовским акцентом.

– Ага, – кивнул, соглашаясь, водитель.

Возле дома номер 24 по улице Повитрянной Алик и Аудрюс выбрались из желтого «москвича».

– Я как назад буду ехать – загляну к вам, – напутствовал их сосед-водитель. – Если что, домой подвезу!

Аудрюс, увидев перед собою вывеску «Гастроном», сразу направился ко входу.

– Эй, нам не туда, правее! – крикнул ему в спину Алик и, когда литовец обернулся, указал ему рукой на малоприметную, но многообещающую, особенно на пустой желудок, вывеску «Кафе».

Внутри было шумно и накурено, а значит – уютно. За каждым столом гудел разговор, пились пиво, душевно хрустела на неухоженных, но острых зубах сушеная рыба. Легкий мат добавлял энергии этому хору замедленных алкоголем мужских голосов.

– Вон, – Алик ткнул пальцем в правый дальний угол.

Там действительно за столом сидели только двое, а могло к ним присесть еще не меньше четырех!

– Ты иди, садись! Я возьму! – скомандовал Алик и отошел к прилавку, под стеклом которого украшенные вызывающими улыбку ценниками лежали редко портящиеся продукты.

Двое соседей по столу, один в свежестиранном ватнике, второй в костюме с галстуком, уважительно приглушили свой разговор, когда Алик поставил на стол два бокала пива и тарелку, на которой бесстыдно соседствовали две котлеты по-домашнему, два соленых огурца и две таранки размером с ладонь.

– Ты мне всё-таки скажи, что думаешь! Наш гэбэшник сказал правду? – спросил Алик, уже усевшись напротив литовского друга.

Аудрюс пожал острыми плечами. Его куртка лежала рядом на лавке, а синий поношенный свитер выдавал недостаточность мясного и жирового покровов костей.

– Ты обе ешь! – Алик небрежно, но уважительно кивнул на котлеты. – Ты теперь в Европе... Там выжить сложнее...

Аудрюс взял котлету пальцами, поднес к носу, понюхал и улыбнулся.

– Может, и правда, – сказал он, глядя на котлету в руке. – Сам подумай! Разрыть могилу в Штатах, отрезать у покойника кисть, запаковать, чтобы не провонялась, перевезти через Атлантику в Литву и оттуда поездами во Львов... Разве хиппи когда-нибудь знали слово «логистика»?!

– А что это? – спросил, остановив глоток пива, Алик.

– Вот видишь, – сказал Аудрюс. – Не могли эти ребята сами такое прокрутить...

– Это в корне меняет многое, – задумчиво протянул Алик и продолжил прерванный глоток.

– Что меняет? – Аудрюс уставился в глаза старому другу.

– Ну... картину нашего мироздания... Джими Хендрикс был врагом капитализма, и при этом его ценили в КГБ?!

– Послушай, извращенцы есть везде! Мой знакомый голубой диджей из Каунаса однажды так запал на одну барменшу, что чуть не поменял ориентацию! С каждым может случиться! Не только с кагэбистами! Да и этот твой капитан... он какой-то мягкий...

– Ты что, думаешь, он до сих пор за нами...

Аудрюс отрицательно мотнул головой, из-за чего длинная шевелюра чуть не сослась, как занавес, на его лице, оставив только нос и часть глаз.

– Нет. – Он поправил рукой волосы. – Он романтик. Видно, случайно в органы попал...

– Да, но он сказал, что их там много было, тех, кто помог Москву обмануть и за деньги Москвы привезти нам его гениальные пальцы...

– Остынь! – Литовец взял в руку вторую котлету по-домашнему. – Ты живешь в прекрасной стране, в прекрасном городе, где даже в советские времена кагэбисты любили Джими Хендрикса! Да им памятник надо поставить, вашим гэбистам!..

– Ну, ты тоже романтик! Может, еще рядом с могилой Джими такой памятник воткнуть?!

– Старик, – на лице у Аудрюса расплылась слегка высокомерная улыбка, – ты что, забыл? Make love, not war! Главное в нашей жизни – любовь. И если нас когда-то любили кагэбисты и при этом старались не трахать?! Разве это не прекрасно?!

– Да. – Алик пожевал губы, побуравил взглядом два одиноко лежавших на тарелке огурца. – Видишь, огурчики я взял, а к пиву они никак... Не гармонируют! Я сейчас!

Алик поднялся, отошел к прилавку. Аудрюс задумчиво наблюдал за барменшей, с внимательной улыбкой на лице выслушивавшей высокого длинноволосого клиента. Потом она сняла с полки за своей спиной рифленую бутылку с прозрачной водочной жидкостью. И полилась эта водка в стопочки, голодно уставившиеся своим незакрывающимся глазом в серый потолок.

– Эй, друг, ты не из Винников? – спросил неожиданно Аудрюса мужчина в чистом ватнике.

– Нет, я из Литвы.

– О! – Мужчина в ватнике поднял указательный палец перед своим собеседником. – Я ж говорил, они не наши... они котлеты пальцами едят! Другая культура!..

Глава 6

Въезд во двор дома со стороны улицы Федорова снова был закрыт – в этот раз какой-то недотепа оставил перед воротами свой «жигуль» цвета мокрого асфальта.

Оксана, осмотревшись, втиснула свою «Чебурашку» между двумя иномарками, припаркованными под Старопигийским институтом, и, закрыв машину, вошла во двор. Со стороны Федорова на этом доме номера не было. Может, именно поэтому автолюбители с завидной регулярностью бросали свои машины под воротами.

Поднимаясь по деревянным ступенькам на свой второй этаж, Оксана прислушалась к их поскрипыванию. Ступеньки в ее парадном отличались тихостью и податливостью.

Стянув с ног высокие осенние сапожки, хозяйка прошла в единственную комнату маленькой и уютной квартиры, уселась на диван. Перевела дух. Прислушалась к легкому шуму усталости в голове. Вчерашний вечер затянулся до часа ночи, она с подругами веселила корпоратив страховой компании. За столом, как, видимо, и в самой страховой компании, заправляли женщины. Несколько тихих перепуганных мужчин среди расслабленных, украшенных алкогольным румянцем дам. Скорее всего, эти мужчины не были даже сотрудниками страховой компании, а всего лишь мужьями тех, кто праздновал.

Улыбка, вызванная мыслями о прошлом вечере, продержалась на лице Оксаны недолго. Вспомнилось сразу и это утро, и удавшийся сюрприз у Тараса, всегда забывавшего о своем собственном дне рождения. Вспомнились подаренные ему рыбки. И тут же вспомнились такие же рыбки, подаренные вчерашним днем себе самой!

Оксана подняла взгляд на подоконник, где теперь стоял небольшой аквариум, такой же, какой она купила Тарасу.

Подошла, отодвинула занавеску, наклонилась над своим собственным маленьким водным миром. Рыбки мирно плавали вокруг зеленых водорослей.

Оксана вытрусилась из коробочки на воду немного сухого корма. Рыбки тут же устремили свои взгляды вверх.

– Кушайте, кушайте, гости дорогие! – проговорила шутливо хозяйка и оставила рыбок за занавеской на подоконнике. Через маленькую кухню прошла в ванную, умылась.

Холодная вода не добавила бодрости. И тогда решила Оксана немного отдохнуть. Вернулась в комнату и вскарабкалась по крутой деревянной лестничке на свою кровать, одновременно являвшуюся крышей сделанного под заказ платяного шкафа. Тут же, на высоте почти трех метров, у нее и лампа настольная стояла для чтения, и журналы лежали.

Прилегла на спину, голова на подушке. Глаза сами закрылись. Задремала она, настраивая себя, однако, на очень короткую дрему, может, на пару часиков отдыха, не больше. Ведь день в разгаре. Рядом шумит площадь Рынок, журчит на ней фонтан, ездят трамваи, и стучат по мокрому булыжнику каблук женских сапожек.

Глава 7

Жизнь Тараса по несколько раз в день давала трещину, словно он научился у своего старенького компьютера «зависать». Именно в эти моменты внезапно возникавшей в голове пустоты он автоматически нажимал кнопку «старт» и переводил свой примороженный взгляд на монитор. Следил безучастно за процессом оживания экрана, слушал таинственные звуки, сопровождавшие запуск компьютерных программ. Когда монитор украшался «созревшими» «иконками», Тарас поднимался и приносил с подоконника два-три кактуса в пластиковых кубиках-вазончиках. Ставил их под монитором, чтобы они перехватывали и втягивали в себя всю вредную компьютерную радиацию. Им-то что? Они, как и любые растения, созданы, чтобы фильтровать воздух, перерабатывать углекислый газ на кислород! Тарас не знал, на что кактусы перерабатывали вредное компьютерное излучение. Он не был уверен, что это излучение вредное, и даже иногда сомневался, что оно вообще существует. Но игнорировать народные мудрости было глупо. И если однажды народ решил, что перед работающим монитором надо ставить кактус, то Тарас пошел еще дальше и стал ставить не один кактус, а три! «Компьютерные кактусы» Тараса никакой ботанической ценности не имели. Ценность имели другие кактусы, росшие в маленькой тепличке под лампами дневного света. Это были кактусы, над которыми он старательно проводил эксперименты, пытаясь скрестить их с «живыми камнями» – литопсами. Для таинства скрещивания он уже купил в магазине для художников тонкую колонковую кисточку. Но пока она лежала без дела. Три лофофоры Вильямса готовились к цветению. Несколько литопсов тоже готовились к цветению, но добиться от литопсов «откровенности и открытости» было делом не простым. Уже несколько раз их бутончики засыхали до цветения.

«У вас три новых письма!» – сообщило мониторное «окошечко» с нарисованным желтым конвертом. Тарас навел стрелку на конверт и «кликнул» мышкой.

Два письма предлагали недорого и быстро удлинить пенис на 8 сантиметров. Третье письмо оказалось более конструктивным.

«Я в вашем городе и пишу по объявлению. Перезвоните мне на мобильный 096-7049657. Лёня».

Мысли вытеснили из головы Тараса внезапную пустоту. Появилась перспектива заработка. Рука вытащила из кармана белого махрового халата мобильник.

– Алло, Лёня? Вы мне прислали e-mail! Вас беспокоят камни?

– Это уролог? – переспросил суетливый мужской голос.

– Я – по камням, – ответил Тарас, не осмелившийся назвать себя представителем врачебной профессии.

– Ага, – сказал голос. – Так шо, можно сейчас встретиться? Где ваш кабинет?

– Я работаю на выезде, не в кабинете, – пояснил собеседнику Тарас. – Вибротерапия обычно выводит камень за часа два-три... Иногда, правда, процедура может длиться и дольше.

– Эт шо, специальный вибратор?

– Нет, специальная машина, на которой я вас буду возить по специально выбранной дороге, чтобы возникала вибрация... Проверенный метод.

– Ну хорошо, куда подъехать?

Тарас глянул на настенные часы.

– Еще рано, надо дождаться, когда дороги будут свободными. Часиков в одиннадцать, а лучше в полночь... Только часика за два до процедуры надо выпить стакан коньяка и посидеть в горячей ванне.

– У меня тут ванны нет, а с коньяком – нет проблем! Не, давайте я сейчас подъеду. Мне всё равно делать тут нечего! – не унимался потенциальный клиент Лёня. – Я полсутки в поезде ехал... Кстати, тоже вибрировало... Только не помогло.

– Поезд не годится, – со знанием дела заявил собеседнику Тарас.

– Ну, шоб познакомиться, шоб легче было вечером друг друга узнать! – Лёня вернулся к одной из своих предыдущих мыслей.

– Ладно, – вздохнул Тарас. – Подъезжайте к Опере, перед входом через полчаса. Как вас узнать?

– У меня на голове – серая кепка!

«Интересно, откуда это он приехал? – задумался Тарас, пытаясь представить себе человека в серой кепке. – Может, из России? У нас вроде так не “шокают”!»

Полчаса спустя у оперного театра действительно стоял лишь один мужчина в серой кепке. Был он также одет в светло-серый плащ, черные брюки и туфли из светло-серой замши. В руке сжимал большой картонный конверт с надписью «Foto». Худощавый, невысокий, он переступал с ноги на ногу и немного нервно водил взглядом по лицам прохожих.

Тарас приостановился на минутку метрах в двадцати от него. Затем подошел, представился.

– Шо, может, пойдём присядем? – деловитой скороговоркой выпалил Лёня.

– На кофе? – уточнил Тарас.

– А шо, ты днем не пьешь? – голубые зрачки Лёни стали на мгновение колючими.

– Я ж за рулем буду.

– Так тож завтра, после двенадцати...

Тарас чувствовал, как теряет в глазах Лёни остатки уважения к себе, но даже если бы он и не садился этим вечером за руль, пить с человеком в серой кепке ему бы не захотелось. Уж очень иной был этот человек, с какой-то иной жизнью и иными правилами. Это Тарас чувствовал. Смотрел на Лёню и чувствовал. И тут что-то еще вмешалось в пространство между ними – запах бензина.

Тарас оглянулся по сторонам. От проезжей части они стояли далеко. На всякий случай поднес рукав куртки к носу, проверяя, не от куртки ли исходит этот запах.

– Че? – спросил Лёня. – Но поговорить ведь надо! Пошли! Ладно, возьми себе кофе!

Тарас, «освобожденный» от необходимости выпить, живым шагом повел будущего клиента в кафешку на Армянской. Там они устроились, хотя тоже не без выразительного неудовольствия Лёни, которого барменша поставила перед фактом: водки нет, есть только ликер.

– Шо-то у вас тут рюмочных не видно! – сказал Лёня, опрокинув рюмку ликера в рот и посмотрев на стоявшие перед ним еще три полных рюмочки.

Тарас чуть не рассмеялся. Претензии будущего клиента к его родному Львову говорили только о большом расстоянии между Львовом и тем местом, где жил Лёня.

– А вы откуда приехали? – спросил он.

– Та из Ворожбы...

– А где это? – удивился Тарас.

– Че, не знаешь? Эт крупнейший железнодорожный узел! – пояснил Лёня. – Сумская область!

Тарасу опять показалось, что рядом запахло бензином. Он оглянулся по сторонам. За соседним столиком сидели две пожилые дамы, пили кофе и интеллигентно ели штрудель. От них пахнуть бензином не могло.

– Сумы знаю, – кивнул Тарас, возвратив взгляд на собеседника.

– Ты вот што, рентген мой посмотри, шобы знать! – Лёня достал из фотоконверта рентгеновский снимок и протянул его Тарасу.

Тарас напрягся, ощутил неловкость, словно был он мошенником, а не фельдшером-недочкой. Взял в руки снимок, поднял его на уровень глаз и развернулся со снимком в руке в сторону окна. Отчетливо узнаваемые две большие фасолы почек успокоили его. Он сразу заметил три камня, доставляющие Лёне неприятности. Два в левой почке и один – в правой. Тот, что был в правой почке, явно готовился «к выходу».

Тарас мысленно просчитал путь движения камней к выходу наружу. За одну ночь с этими камешками справиться было нереально. Им еще предстояло пройти по мочеточникам в мочевой пузырь, потом уже по уретре дальше на свет Божий.

Тарас бросил взгляд на лицо Лёни, представил это лицо в момент физической боли, представил и его голос в момент крика. Сразу расхотелось заниматься этим клиентом.

– Ну шо? – спросил Лёня, опуская на столик последнюю рюмочку, еще минуту назад бывшую полной.

Тарас тяжело вздохнул.

– За одну ночь не выйдут, – сказал он.

– Даже если всю ночь ездить? – Лёня наклонился вперед, и тут же запах кофе был на мгновение перебит запахом бензина.

– Всю ночь вы не выдержите, – мягко произнес Тарас.

– Я ж заплачу, – упрямо сказал Лёня и скривил губы. – Или ты хочешь сказать, шо будет дороже?!

– Ладно, попробуем, – успокоил Тарас Лёню. – В двенадцать я вас подберу там же, у Оперы! А сейчас мне надо по делам...

Лёня задумчиво кивнул. Проследил, как Тарас подошел к барменше и расплатился за выпитый кофе. Потом сам подошел к стойке и заказал еще три рюмочки ликера.

В полночь Тарас нашел Лёню возле оперного театра. Тот стоял, прислонившись к левой колонне. Козырек его серой кепки был сбит налево. Светло-серый плащ расстегнут, руки в карманах плаща. Взглядом Лёня упирался в тротуарную плитку.

– Ну что, вы готовы? – вежливо спросил его Тарас.

– Что? – Лёня резко поднял голову, обернулся. – А! Да, всегда готов!

Город затихал. Дул несильный ветерок. Гасли окна домов.

– Мы сначала проедемся по Лычаковской два раза, чтобы камни ваши разбудить, а потом по Городецкой – она пожестче, – стал пояснять Тарас уже в машине. – А потом, если не...

– А мне хоть по Дерибасовской, – махнул рукой выпивший клиент. – Лишь бы вышли они на хер!

Тарас замолк и решил больше ничего не объяснять Лёне. «Опель» тронулся с места. Привычные вибрации настроили водителя на рабочий лад. Он оглянулся на пассажира – тот зевал.

– Вы только не усните, – сказал ему Тарас. – А то всё будет без толку!

– Ну, тогда музыку включи! – ответил пассажир. Тарас включил радио, и выехали они на Лычаковскую под песню «Бумбокс».

Навстречу машине понеслась неровная, уложенная мелким булыжником улица. Замелькали по обе стороны серые дома, закрытые магазинчики и парикмахерские. Тарас всем телом прислушивался к вибрации машины, чтобы понять: какая скорость быстрее «разбудит» и приведет в движение камни клиента. Клиент тупо смотрел вперед. Радовало одно – он не спал, его глаза были открыты. Не радовало то, что по его лицу было невозможно понять: слушает он свое тело или думает о чем-то совершенно постороннем.

– Вы что-нибудь чувствуете? – в конце концов спросил Тарас.

– А? Что? – Пассажир обернулся к водителю.

– Камни! Чувствуете что-нибудь?

Выражение лица Лёни изменилось. Он теперь явно пытался прислушаться к происходящему в его почках. Даже стал щупать живот рукой.

– Можете помассировать, – кивнул Тарас. – Тоже полезно!

Ободренный советом специалиста, Лёня принялся массировать низ живота обеими руками. Массировал минуты три, подпрыгивая на неровностях дороги вместе с машиной. Потом ойкнул и замер.

– Ну как? – спросил его Тарас.

– Что-то произошло, – ошарашенно прошептал Лёня и поднял испуганный взгляд вперед, на летевшую ему навстречу дорогу.

– Расслабьтесь! – сказал Тарас. – Сейчас переедем на Городецкую! Проверим...

Тарас свернул с Лычаковской, и машина завиляла по узким темным улочкам. Объехав старую часть центра, «опель» выехал на широкую улицу и снова понесся вперед с не очень-то и большой скоростью.

– Стой! – закричал Лёня, схватившись за живот. – Больно!

– Процесс пошел, – с улыбкой произнес Тарас. – Теперь останавливаться нельзя! Потерпите!

У Лёни глаза на лоб полезли от боли, он бросил на водителя обезумевший взгляд, но рот не открыл – не хотел разжимать зубы, сцепленные от боли. Нагнулся вперед, к панели, не убирая рук от низа живота. Боль, колющая и даже царапающая, как бы медленно переползала с места на место. Лёня отчетливо чувствовал ее движение.

– И долго так? – сдавленно спросил он минуты через три-четыре.

– Минут пятнадцать, – ответил Тарас. – Потом, если не выйдет, перерыв, и продолжим.

Эта ночь показалась Тарасу бесконечной. После четырех полных дистанций улицы Городецкой, а это без малого тридцать километров, Лёне стало совсем плохо. И тут на дороге мелькнула подсвеченная изнутри полосатая палка гаишника. Тарас остановился. Гаишник вежливо попросил документы и с подозрением уставился на Лёню, точнее, на его скорченное от боли лицо.

– В больницу везу, – нашелся Тарас. – Товарищу плохо.

– Счастливой дороги! – Гаишник вернул права и документы на машину.

Три часа спустя, уже отказавшись от длинных «вибраций» Городецкой и Лычаковской улиц, переехал Тарас на «короткие вибрации» улицы Лесной. Лесная была действительно коротенькой и крутой улочкой с такими дырками в дороге, что машину подбрасывало там почти на полметра. Улица Лесная и помогла вытрусить из Лёни первый камешек, который звонко ударился о дно литровой стеклянной банки под не поразившее в этот момент Лёню журчание собственной мочи. Лёня стоял скрючившись, спиной к машине и лицом к лестнице, ведущей на горку, навверх к парку «Знесиння». Когда звякнул о стекло камешек, он замер и так неподвижно, враскорячку, простоял пару минут, освещенный рассеянным желтым светом одинокого уличного фонаря.

Тарас посмотрел на часы – почти половина пятого. Скоро будет светать. Зевнул. Задумался. Организм привычно настраивался на утренний сон.

– На, держи! – сдавленно проговорил вернувшийся к машине Лёня, протягивая водителю банку с камешком и желтой жидкостью.

Тарас молча взял банку, открыл дверцу со своей стороны и аккуратно слил мочу на дорогу.

– Следующим камнем заниматься будем? – спросил он Лёню.

Голова Лёни дернулась. Его испуганный взгляд скорее говорил о полном нежелании общаться на эту тему.

– Вас куда отвезти? – чуть тише спросил Тарас.

– К Опере, туда же, – выдавил из себя Лёня. – Я днем позвоню... еще не знаю.

Его правая рука полезла в карман расстегнутого светло-серого плаща. Вытащила оттуда три долларовые десятки, мятые и потертые. С долларами в руке он сначала уселся на переднее пассажирское сиденье. Тарас взял доллары, сунул в карман куртки. Машина тронулась, покачивалась вниз по улице тихо, с выключенным двигателем. Тарас просто снял ее с ручника. Мотор завел уже внизу.

Высадив клиента у Оперы, поехал дальше к обменнику на Ивана Франко. Маленькое окошечко обменника, освещенное изнутри, обрадовало Тараса. Даже если б не было чего менять, он всё равно сюда подъехал бы. Ради одного лишь взгляда на симпатичную странную девушку, работающую тут по ночам, всегда в длинных, под старину, матерчатых перчатках на руках.

– Доброе утро! – Он просунул в нишу окошка заработанные тридцать долларов. – Как у вас ночь прошла?

Рука в длинной перчатке изумрудного цвета элегантно забрала доллары.

– Что-то вы поздно сегодня, – сказала девушка.

– Клиент трудный попался, – ответил Тарас.

– Вы что, в ночном клубе работаете?

– Нет... я в медицине. – Рассказывать более подробно Тарасу не хотелось, и он наклонился поближе к стеклу. – Вы обещали со мной на кофе пойти!

– Я? Не может быть? Я с незнакомыми мужчинами по кафе не хожу! – смешливо ответила она, отсчитывая гривны.

– Так давайте познакомимся! Меня зовут Тарас! А вас?

– Дарка, – ответила девушка. – Но всё равно в кафе не пойду. А вот если вы принесете, то выпью! А то я уже засыпаю... Работы почти не было.

– Я принесу! – пообещал Тарас. – Привезу буквально через десять минут!

– Все вы только обещаете! – девушка усмехнулась.

Сегодня она была в удивительно хорошем настроении. Еще никогда она не разговаривала с Тарасом так охотно, как в это раннее утро. И он взбодрился, возрадовался. Его организм забыл о приближающемся времени исполнения гимна Украины по радио, о том моменте, который закрывал его глаза и отправлял его в сон.

Тарас, спрятав гривны в карман, вернулся к машине. Проверил: не забыл ли он свой дорожный термос – термос был на месте! Теперь оставалось только найти кофе. И он поехал, пытаясь на ходу припомнить, где ему удавалось в это странное время суток выпить хорошего крепкого кофе.

Пока ехал, заметил освещенный изнутри киоск. Притормозил.

– Кофеек делаете? – спросил он у женщины, открывшей на его стук «продажное окошечко».

– «Якобс», «Нескафе»? – спросила она сонно.

– А натуральный?

– Натуральный в такое время не пьют, – со знанием дела произнесла она.

– Ладно. – Тарас просунул свой термос в окошечко. – Сделайте и налейте сюда! Две чашки! И без сахара!

Снова усевшись за руль и аккуратно, если не сказать нежно, опустив термос на сиденье рядом, Тарас снял «опель» с ручника. Машина «отвалила» от бровки неспешно, как лодка от причала.

Минут через пять его глаза обрадовались знакомому квадратику освещенного окошка обменника, за которым, как в темнице-башне, томила загадочная девушка.

– Вот, – наклонившись к стеклу, сладко произнес Тарас, прижимая серебристый термос к левой щеке и ощущая его прохладу. – Кофе подан! Извините, что не в постель!

– Я думала, вы шутите! – усмехнулась за стеклом и решеткой Дарка.

– У вас своя чашка? Или вам в колпачок термоса?

Дарка обернулась, в руках у нее появилась керамическая кружка, но на личике вдруг выразилась детская наивная растерянность.

– Она не пролезет, – вымолвила девушка, показывая Тарасу кружку.

– А что, окошко не открывается?! – удивился он.

Она отрицательно мотнула головой. Потом просунула правую руку в изумрудного цвета перчатке в нишу для обмена купюрами, дотронулась тыльной стороной ладони до верхней границы прорези и огорченно подтянула нижнюю губку.

– А дверь? – спросил Тарас. И тут же сделал шаг назад, пытаясь ее найти взглядом.

Слева виднелось еще одно, большего размера окошко этой странноватой кирпичной «зашубленной» и покрашенной в мышиный цвет будочки. Над ним надпись: «Ремонт часов». Дверей Тарас не увидел. Снова прильнул к окошку обменки.

– Дверь закрыта, – произнесла Дарка жалобно. – До утра. Против бандитов...

– А если пожар?!

– У меня тут красная кнопка и телефон, – пояснила девушка более серьезным голосом. – Наряд милиции приезжает через пять минут!

– И что, уже приезжал?

– Да, два раза... Всякое ночью бывает.

Тарас задумался, открыл термос, налил в колпачок кофе, выпил. Вкус был мерзким. Может, именно поэтому в этот момент осенила его неожиданная мысль, и он, попросив Дарку подождать и оставив термос на обменном прилавке, вернулся к машине. Вытряхнул всё из бардачка, но того, что он хотел там обнаружить, не нашел. Разочарованным вернулся к окошечку.

– Я что-нибудь придумаю, – пообещал девушке.

Вылил недопитый кофе из колпачка-крышки термоса, закрутил ее на место. Попрощался с Даркой нежно и одновременно по-дружески. И вернулся к машине.

«Хорошо, что ей этот кофе не достался», – думал, поглядывая на термос, лежавший на соседнем сиденье.

Думал-думал, а потом вдруг затормозил резко у бровки, приоткрыл свою дверцу и вылил коричневую горячую жидкость из термоса на дорогу. Журчание напомнило ему о литровой банке под сиденьем, в которой барахтался в остатках другой, настолько же «привлекательной» жидкости, как только что вылитый из термоса «кофе», серый камешек, с таким трудом добытый из почечных недр пахнущего бензином приезжего из какой-то там Ворожбы. Достал Тарас из бардачка бумажные носовые платки, умело вытряхнул камешек из банки на развернутую салфетку-носовичок, протер аккуратно и уже без всякого раздражения, словно смена мысли оказалась лучшим успокоительным, сбросил подсушенный почечный камешек в пластиковый «гомеопатический» тубус, который тут же закрыл и возвратил на его место в ближнем углу бардачка.

Глава 8

– Думаешь, пора? – спросил Алик, тепло и чуть-чуть вопросительно глядя на старого товарища. – Тебе ведь тут никогда не было тесно!

Он окинул взглядом свою маленькую комнатку, в которой все стены напоминали о замечательно-вольном хипповском прошлом. Прошлого, конечно, на стенах было намного больше, чем настоящего, – оно всегда так. Просто прошлое накапливается, а настоящее, задержавшись на мгновение, туда же, в прошлое капает. Человек – ведь это вообще самый обыкновенный и элементарный живой «аппарат» по переработке будущего в прошлое. Алик, впрочем, не был одним из таких обыкновенных «аппаратов». Его будущее всегда отличалось вопросительностью и яркостью. Поэтому и прошлое у него оказалось соответственным – никаких тебе пионерских галстуков и лагерей или октябрятских звездочек и косичек одноклассниц. Детство – отдельно, котлеты – отдельно! Котлетами была юность и ее продолжение.

Аудрюс тоже оглянулся, прошелся прищуренным взглядом по десяткам старых черно-белых фотографий, расклеенных на основной стене над вечно разложенным диваном. (Когда и для кого Алик его разложил – этого уже не вспомнить никому.) Посмотрел на рукомойник с наклейкой: «Amnesty International», на плакаты, на любительский портрет Джона Леннона, на доисторическую печку, в топку которой был проведена дюймовая газовая труба, и теперь топилась эта печка не дровами или углем, а скандальным русским газом, который и горел, как положено всему скандальному, синим пламенем. Горел, грел печку и комнату, кипятил воду и подогревал наутро то, что оказалось не съеденным накануне.

– Я в туалет! – Аудрюс поднялся, вышел в маленький коридорчик и сразу за дверь, на улицу.

Жилище Алика – это комнатка, в которой было не больше семи квадратных метров, отличавшаяся не только размерами, но и полным отсутствием так называемых удобств. Но от этого она не казалась Алику неудобной. Всю свою жизнь он проводил в ней, хотя за стенкой находилась территория гораздо большая, хотя тоже однокомнатная – территория его мачехи, заменившей ему мать по решению отца, когда мальчику не исполнилось и восьми лет. Комнатка Алика казалась пристройкой к дому, странной пристройкой, отодвинувшей задний от дороги угол дома на добрых полтора – два метра. Выйдешь из ее отдельного входа, тут тебе и удобства: налево, метров двадцать пять по тропинке мимо огорода – туалет, направо, пять метров по бетону – колодец с рекордно малой глубиной – не больше полуметра. Это ведь и не колодец, а источник, который выбрался из-под земли, когда старушка-соседка решила возле старой колонки свою веранду расширить. Ударили ломиками по камням, которыми когда-то замостили дворик, и пошла вода. Вода оказалась вкусной. Отвели ее от веранды на метр, подкапали чуток и опустили сверху колодезное кольцо. Вот и вышел колодец. А колонка замолчала навеки, словно успокоилась, узнав, что есть теперь во дворе и другой источник воды.

На лице Алика возникла улыбка, вызванная мыслью о том, что его дворик, практически последний на его улице, пережил такую большую страну, как СССР. Нет, он никогда не был бойцом с советским режимом. Он никогда с этим режимом не боролся. Он его просто игнорировал. За это режим обижался и не игнорировал Алика и его друзей. Но они, Алик и друзья, умудрялись сосуществовать с режимом так близко и так долго, что даже место их традиционных сборов, известное каждому львовянину как «Святый сад», практически просматривалось из окон обкома партии. И никогда у тех, кто существовал за этими окнами, внутри серых кабинетов, не возникло даже мысли о том, что всю эту территорию рядом с общежитием, частично огороженную стенами древнего монастыря, территорию, с которой то и дело, да к тому же и громко – благодаря протянутому из общежития удлинителю, гроыхала чуждая обкомам партии музыка с чуждыми, но, слава богу, непонятными иностранными словами, можно было бы

затянуть колючей проволокой, застроить закрытыми распределителями или, в худшем случае, пунктами приема макулатуры и металлолома! Нет, никто не спешил вытащить лужайку земли из-под ног и задниц длинноволосой молодежи с гитарами в руках! Теперь это казалось гуманизмом или близорукостью. Хотя, возможно, всё это происходило по причине пониженного слуха у работников обкома?! Вот участковый наведывался сюда часто, но разговоры с ним обычно не заканчивались неприятностями. Было видно, что не по своей воле он раздражает молодежь своим присутствием, а на всякий случай или по указанию.

– О чем задумался? – прозвучал над головой сидящего в кресле Алика голос Аудрюса.

– Не поверишь! – усмехнулся, задрав голову, хозяин комнатки. – Молодость вспомнил!

– А что еще вспоминать?! – удивился Аудрюс. – Ну что, пора!

Алик поднялся с кресла, поднялся бодро, словно хотел показать, что он еще в хорошей спортивной форме.

Вышли во двор.

Вокруг темно. Жужжат редкие машины, проносясь по Замарстиновской. Остановились у колодца.

– Ну что, на дорожку! – Алик зачерпнул оцинкованным ведром воды, поднес холодный край ведра ко рту, отхлебнул – на языке легкая сладость выгнала. Передал ведро Аудрюсу. Тот тоже сделал несколько глотков.

Скрипнула металлическая калитка, они вышли на улицу и повернули налево, в сторону центра.

На небе оголился острый угол желтой луны и тут же снова спрятался, накрылся тучами. Резкий птичий крик-хохот упал с неба прямо в уши идущим.

Алик поежился на ходу.

– Как у нас в Паланге, – с удивлением выдохнул Аудрюс.

– Что у вас в Паланге? – не понял Алик.

– Ну, тоже чайки так кричат...

– У нас нет чаек, откуда тут? – пожал плечами Алик.

Аудрюс посмотрел в темное небо, откуда снова донесся тот же птичий крик-хохот, только теперь он был тише, словно птицы уже обогнали идущих по земле.

– У нас тут и моря нет, – с сожалением сказал Алик, тоже бросив кратковременный взгляд на небо. – Это то, чего здесь не хватает... Вода – только дождем или из источника...

– Море есть везде, – не согласным, но приветливым тоном сообщил Аудрюс. – Иногда оно видно, иногда нет... Иногда оно сверху, иногда снизу...

– Да, с этим я согласен. – Алик кивнул. – Говорят, что и Карпаты раньше были дном моря и там можно найти окаменевших моллюсков...

– В нашей северной глуши есть море, ну и что?! – усмехнулся Аудрюс.

– Выросший у моря не поймет жителя пустыни! – Алик тоже улыбнулся. – Кстати, мы с тобой так и не побывали в Сан-Франциско!

Аудрюс тяжело вздохнул. Через несколько шагов остановился. Остановился и Алик.

– Знаешь, – уверенно произнес литовец, – некоторые города существуют только для того, чтобы кто-то мечтал в них попасть. А мечтать иногда важнее, чем ехать...

За спиной зазвучала приближающаяся милицейская сирена. Алик и Аудрюс отошли за край проезжей части, по которой только что мирно и свободно шагали. Подождали, пока машина пронесется мимо, и снова ступили на асфальт.

Через полтора часа неспешной ходьбы они остановились на Ткацкой недалеко от ворот шоколадной фабрики. Воздух был здесь тяжел и сладок. Говорить уже не хотелось, да и так последние минут десять пути они шли молча.

Аудрюс достал мобильник, набрал номер, поговорил с кем-то по-литовски. Потом обернулся к своему старому другу и кивнул:

– Минут через пять будет выезжать. Уже загрузился.

– Кто? – не понял Алик.

– Альгис, приятель. У него своя многотоннка, ну то, что вы тут называете фурой. Он львовский шоколад в Литву возит. Давно мне свои услуги предлагал. Вот и пригодился!

Из открывшихся высоких ворот медленно выехал длинный крытый грузовой «вольво». Остановился. Аудрюс и Алик обнялись.

– Ну что, Алик, – забрасывая длинные прямые волосы назад, заговорил Аудрюс грустным голосом. – Если всё в порядке, то в следующем году ночью, там же...

Легко, словно не работал на земле в этот момент закон притяжения, запрыгнул Аудрюс на высокие ступеньки кабины фуры, захлопнул за собой дверцу, и поехали сорок тонн львовского шоколада прочь от оставшегося стоять у уже закрытых ворот Алика, увозя с собой и его приятеля-литовца в далекую северную «глушь», «глушь у моря».

Назад домой Алик тоже отправился пешком, останавливаясь на пустых, безлюдно-безмашинных перекрестках на красный цвет светофора и снова продолжая свой путь при появлении зеленого. Над головой его, в небе, еще несколько раз звучал резкий, ранее не слышанный во Львове крик-хохот каких-то птиц. В воздухе витал солоноватый запах.

«Может, Аудрюс прав? – подумал на ходу Алик. – Это чайки летят на юг, на зиму... А воздух кажется соленым, потому что из него ушла сладость от близости «шоколадки» – шоколадной фабрики «Свиточ». Всё на этом свете подлежит объяснению...»

И мысли Алика сами по себе вернулись на Лычаковское кладбище, на могилку с обновленной надписью на железном кресте, сделанной белой масляной краской: «Jimmy Hendrix 1942–1990».

Глава 9

Сине-сиреневая «Таврия» по имени «Чебурашка» послушно притормозила у продуктового магазинчика на улице Гоголя. Из машинки вышла Оксана. Аккуратно закрыла за собой дверцу и, прошептав машине: «Не беспокойся, я через пять минут вернусь!» – энергичной походкой отправилась за будущим ужином. Она еще не знала, что будет покупать, так как не имела привычки заранее составлять собственное меню. Еда ее радовала не только вкусом, но и неожиданностью появления. Обычно она заходила в магазин, безразлично водила взглядом по полкам и прилавкам, по всем съедобным товарам, выложенным, вывешенным, высушенным и высоланным. Аж до того момента, пока ее взгляд вдруг переставал быть безразличным. Это происходило спонтанно и не преднамеренно, как бы помимо мышления. Три дня назад ее взгляд ожил при виде совершенно обычных шампиньонов, с покупки которых она тогда и начала. В результате шампиньоны «обросли» луком, картошкой, грудинкой, морковкой и специями и уже дома легко и как бы естественно превратились во вкусное рагу, которым Оксана питалась два с половиной дня, аж до сегодняшнего утра. Но сегодня ее взгляд проскользил мимо шампиньонов и остановился на морозильнике со стеклянной крышкой, под которой хранились, не теряя своей минусовой температуры, тушки и филешки нескольких видов рыб. Оксана обследовала замороженную рыбу и, несмотря на собственное к ней внимание, сделала шаг назад и отвернулась. Вспомнила, как сегодня кормила своих аквариумных рыбок. Задумалась. Снова ожила и возвратила взгляд на стеклянный прилавок с копченой и соленой рыбой. Всё-таки рыба этим ранним вечером преследовала ее желания! Она присмотрелась к селедке по 25 гривен за кило. Селедочка была толстенькой, жирненькой, наверняка вкусненькой, если ее правильно разделать, очистить от костей, полить нерафинированным подсолнечным маслом, украсить кольцами лука, ну и, конечно, обложить отварной картошкой, которую можно было и не покупать, так как дома ее было достаточно.

Непонятно каким образом, но между Оксаной и продавщицей возникла очередь из двух бабушек. Не успела Оксана удивиться, как в затылок ей задышал следующий член этой очереди.

– Вот эту, пожалуйста! – показала пальцем и взглядом Оксана продавщице на выбранную рыбку, когда настал ее черед отовариваться.

– Семьсот грамм, берете?! – спросила продавщица в белом фартуке, о который, похоже, уже несколько раз сегодня вытирала свои трудовые руки.

– Ну да, – Оксана кивнула. – И еще вот этих, штучки три-четыре! – показала она на маленьких, длиной в ладонь, соленых мойвочек.

Заплатив, собиралась уже идти к выходу, как перед ней вдруг возник худой мужчина в коричневом пиджаке поверх синего свитера с воротником «под горло», в синих штанах и с синеватым лицом профессионально пьющего человека.

«Сейчас будет просить деньги!» – мысленно и уже заранее недовольно сказала Оксана себе, настраиваясь на защитную грубость.

– Ой, извините! Вы меня узнаете? – мужчина растянул на худощавом лице приветливую улыбку.

– Я? Вас? – Оксана смотрела ему в лицо и думала, что мужчин с такими чертами лица можно найти в любой пивной.

– Вас ведь это... Вас Оксаной зовут! – добавил он.

Оксана начинала нервничать. Она заглянула за спину этого пристава, туда, где должна стоять и ждать свою хозяйку «Чебурашка». Тем более, что хозяйка обещала ей вернуться через пять минут!

– Вы, наверное, ошибаетесь! – произнесла Оксана миролюбиво, но твердо, и всё ее тело приготовилось к решительному шагу вперед.

– Мы же с вами вместе пили! Вы меня за водкой посылали! Что, не помните?! – Мужчина поднял обе ладони в некоем просительном жесте.

Оксана вместо того, чтобы шагнуть вперед, шагнула назад. Лицо выражало недовольную озадаченность.

– Вы что, думаете, я со всеми подряд водку пью! – возмутилась довольно громко она, и тут же закрутили головами в поисках назревающего скандала другие посетители гастронома.

– У Тараса! Ну, помните, день рождения у него был... совсем недавно! Даже я помню! – Мужчина опустил руки и испуганно оглянулся по сторонам, явно ощущая дискомфорт от направленных на него взглядов посторонних. – Давайте выйдем! Я уже купил то, что хотел...

Они вышли на улицу. Оксана чувствовала себя неловко. Теперь она уже вспомнила этого соседа Тараса, который приходил скандалить, а попал на день рождения. Захотелось перед ним извиниться и сразу уйти, точнее – уехать. «Чебурашка»-то ждет!

– Можно вас на кофе пригласить?! – спросил неожиданно мужчина, словно осмелев от прочитываемой на лице Оксаны неловкости. – Вон! – обрадованно показал он рукой на вывеску кафе на другой стороне дороги. – Пойдемте! Я так рад снова вас встретить!

Оксана посмотрела жалобно на свою «Таврию», потом перевела взгляд на кафе. До него действительно было метров пятнадцать, и из его окон наверняка была бы видна ее «Чебурашка».

– Ладно, – выдохнула Оксана. – Но у меня мало времени, минут десять...

– Ой, сколько там надо для чашечки кофе?! – игриво, с деланным еврейским акцентом произнес осмелевший мужчина. – Я – Ежи Астровский, помните?

Оксана сдержанно улыбнулась и закивала.

В кафе Ежи заказал к кофе по маленькой шоколадке. Пока пили-ели, он рассказывал Оксане о том, как у него стриглись лучшие дамы Пекарской улицы и ближайших переулков, и о том, как он их стриг дома, когда парикмахерскую продали и открыли в ней очередной магазинчик «Всё по 1 гривне!».

Оксана, допив кофе, посмотрела на часы и удивленно мотнула головой:

– Вы извините, Ежи, но я – женщина занятая...

– Понимаю, понимаю, – закивал тот и тут же обернулся к стойке. – Счет, пожалуйста!

Парень-официант сразу же подлетел и опустил на столик перед Ежи листик бумажки.

– Тридцать пять?! – удивленно вырвалось у Ежи.

Он полез в правый карман пиджака, выложил из него несколько пятигривневых купюр, потом полез в левый – оттуда извлек еще две десятки, пересчитал задрожавшими руками, и тут его попустило. Перед ним на столе лежало ровно тридцать пять гривен. Он гордо отодвинул их от себя и поднялся над столиком.

– Всё так резко подорожало! – сказал он уже на улице, придерживая дверь кафе. – Такого раньше не было!

– Когда не было? – поинтересовалась Оксана.

– Ну, раньше. Когда я чаще ходил по таким заведениям... Я и сейчас знаю места, где пиво дешевле, чем тут кофе... Но в следующий раз давайте лучше у меня дома кофе выпьем...

Оксана подняла на Ежи удивленно-строгий взгляд.

– Лучше у Тараса, – сказала она. – Кстати, вы напоминали ему о рыбах?

– А! Ну да! Конечно, – скороговоркой выпалил он, потом выдержал паузу и спросил: – А о каких рыбах?!

– В аквариуме! У него на подоконнике! Я просила вас напоминать ему, чтобы он их кормил...

– Да, – твердо произнес Ежи. – Несколько раз напоминал, а потом я забыл. Извините! Я ему напомним! Обещаю! А вы на машине?

– Да, но я в другую сторону, – учтиво объявила Оксана уже совершенно осмелевшему Ежи. – До свидания!

– До свидания, – тихо, но как-то излишне сладко произнес он.

Оксана села в машину, завела двигатель и, не оглядываясь на провожающего её взглядом мужчину, уехала. А в ушах всё еще приторно-сладко звучало его «до свидания!».

«Ну и типчик, – подумала Оксана и, чтобы отвлечься, погладила рукой черную пластиковую панельку «Таврии». – Ты прости, «Чебурашечка»! Заставила тебя ждать! Ухажеры пройти не дают!»

Глава 10

В длинном сне, наступившем сразу за утренним радиоисполнением гимна Украины, Тарасу снилось многое: и звуки, и картинки, и ночь. Несколько раз совершенно реальный, узнаваемый звук врвался в сновидение, и, к своему, тоже спящему, удивлению, Тарас сразу узнавал его, этот звук, – это «сквикала», «вскрикивала» пятая деревянная ступенька его родного парадного. Странно, что впервые этот звук доносился не снизу, из-под ноги, забывшей переступить злосчастную ступеньку, а извне, из-за пределов его маленькой квартиры. Вскоре после четвертого или пятого проникновения этого звука в сон Тараса в дверь его квартиры постучали.

За окном еще было светло и шумно. Уличный гам легко вытеснил из ушей Тараса саунд-трек сна. Он открыл двери в квартиру и замер, увидев перед собой соседа Ежи Астровского.

– Добрый вечер! Можно на минутку?

Тарас впустил соседа в коридор.

– Я обещал нашей общей знакомой напомнить вам о рыбках! – подчеркнуто деловито произнес Ежи. – Вы их кормите?

Тарас удивленно хмыкнул.

– Конечно, кормлю! Что у меня, склероз?

– А посмотреть на них можно? – попросил Ежи.

– Заходите, смотрите! – Тарас пожал плечами и показал правой рукой в сторону комнаты.

Сосед снял туфли и в двух разных носках – черном и синем – потопал в квартиру. Тарас – за ним.

– Что-то они худые, – прошептал задумчиво Ежи и покосил взглядом на стоящего рядом хозяина квартиры.

Тарас взял коробочку с кормом, стоящую тут же, на подоконнике, потрусил ее над аквариумом, и тут же на воду упала целая россыпь мельчайших коричневых хлопьев. Рыбки бросились к поверхности и стали жадно поглощать еду.

Ежи, наблюдая за происходящим в аквариуме, недовольно скривил губы.

– Они всегда голодные, – недовольно пробурчал Тарас. – Вам что-то еще надо?

Ежи отвлекся от рыбок, повернул свое теперь уже снова приветливое лицо к хозяину квартиры. Взгляд соседа поднялся выше глаз хозяина и остановился на непричесанной и прижатой сном шевелюре Тараса.

– Знаете, я сегодня у себя дома прибрал, – Ежи опустил взгляд и смотрел теперь в глаза Тарасу. – Сорок семь гривен нашел! В старом пиджаке, не в этом. – Он бросил взгляд на свой коричневый пиджак. – Приятно, знаете, когда дома порядок... Может, зайдете?

Тарас растерялся.

– Сейчас?

– Ну да, вы же у меня никогда не были, а так, по-соседски...

– У меня позже работа, – соврал Тарас. – Я пить не буду...

– Да у меня и так нечего выпить, – спокойно ответил Ежи. – Просто так зайдем.

Они спустились на первый этаж, аккуратно переступив пятую ступеньку. Ежи открыл перед Тарасом деревянную покрашенную в «школьный» коричневый цвет дверь в свою квартиру. В нос Тарасу сразу бросился неприятный странный запах. Слева к стенке была прибита вешалка для пальто. На крючке висел синий плащ и ватник. На противоположной стенке – зеркало. Под вешалкой лежали на дощатом полу три пары тряпичных тапочек.

– Проходите, проходите! – поторопил сзади Ежи. – Комната – прямо!

Тарасу и так было понятно, что комната прямо. Три шага – и он оказался в центре жилплощади. На противоположной от окна стене – ковер, у стены – полуторная железная кровать,

накрытая пледом. У другой стены – письменный стол, заваленный старыми газетами и журналами, напротив стола – выдавшее виды парикмахерское кресло, развернутое к стенке, на которой в резной деревянной рамке висела черно-белая фотография какой-то пожилой дамы в шляпке.

Взгляд Тарас застыл на этом кресле. Ежи обошел гостя, развернул кресло и жестом предложил Тарасу присесть.

– Вот тут я и живу, – сказал он. – Но в последние несколько лет здесь было очень неудобно, и я никого к себе не приглашал... А сегодня убрал, и сразу захотелось вас увидеть! Присаживайтесь! – он повторил приглашающий жест руки, глядя на замешкавшегося, нерешительного Тараса.

Тарас уселся в парикмахерское кресло.

– Вы много работаете, – продолжил Ежи и снова поднял взгляд на волосы гостя. – У вас даже нет времени постричься! Давайте я вас приведу в порядок! Вы не думайте, – он поднял ладони на уровень лица сидящего соседа, – я в порядке, и руки у меня не дрожат. Мне с вами поговорить хочется, но я понимаю, насколько вы занятой человек... Да и мне разговаривать обычно легче, когда руки работают...

Он подошел к тумбочке, стоящей между парикмахерским креслом и окном, открыл верхний ящик, достал ножницы, расческу и кусок сложенной ткани странной расцветки.

– Вы же не будете против?

Тарас провел рукой по своей не причесанной со времени сна шевелюре.

– Ладно, – сказал он не слишком уверенно, осматривая блестящие большие ножницы в руке у Ежи.

Ежи развернул ткань, оказавшуюся британским флагом, повязал ее вокруг шеи Тараса. Развернул кресло с соседом к стене, на которой висел портрет пожилой дамы.

– Помните, в восьмидесятых были дни Британии в СССР?! Этот флаг тогда на доме вывели, а потом забыли снять – дворник у нас был пьяница. Вот я его и снял! Очень удобный размер!

Расческа острым частоклом зубьев вошла в волосы Тараса. Он вздрогнул и замер. Однако дальнейшие движения расчески оказались весьма плавными и не причинили никаких неприятных ощущений. Волосы податливо разлеглись на голове Тараса.

– А зеркала у вас нет? – поинтересовался Тарас.

Ежи поднес к лицу гостя круглое настольное зеркальце.

– Посмотрите, – сказал он. – Через пятнадцать минут вы себя не узнаете. В хорошем смысле!

Зеркало исчезло, руки Ежи – в одной расческа, в другой – ножницы, «затанцевали» вокруг головы гостя. На плечи, укрытые флагом Британской империи, посыпались состриженные волосы.

– Видите, – радовался сверху Ежи. – Мои руки помнят всё! А вы Оксану давно знаете?

– Оксану? Да, – выдохнул Тарас и попробовал обернуться.

– Не шевелитесь! – попросил сосед. – А то неровно выйдет! Хорошая женщина! Такая, знаете, с характером... Мы с ней кофе сегодня пили... Ну и цены теперь в кафе! В мое время всё стоило копейки!

– В ваше время?! А чем вам нынешнее время не ваше?!

– Это я так, мысли вслух... Я просто кофе сам себе делаю, а пиво в общественных местах пью, поэтому цены на пиво знаю... Но с пивом понятно – в нем алкоголь. А чего кофе так подорожал?

– Он вместе с жизнью подорожал, – Тарас пожал плечами, вдруг осознав, что доказывать соседу ничего не надо, он ведь просто мыслями делится, «мыслями вслух».

– Я вам потом сварю настоящего кофе, который раньше по 17 копеек был! – продолжал Ежи. – Вы на косой пробор носите?

Тарас задумался. Он вдруг понял, что не знает, как он носит волосы. Просто причесывает их, и всё.

– Я без пробора, так просто.

– Можно и без пробора, – кивнул Ежи, обошел кресло, осматривая результат работы своих рук, остановился.

– Освежить? – в его руках появился стеклянный флакончик одеколона.

Тарас кивнул.

Сладковато-спиртовой запах напомнил Тарасу о неприятном запахе в коридоре у Ежи. Тут, в комнате, и до одеколона запах был нормальным.

– Там у вас в коридоре чем-то пахнет, – задумчиво произнес Тарас.

– Да, знаю! Мышка умерла, еле нашел ее под полом. Уже вынес. Скоро выветрится! Вот вам зеркало!

Тарас взял круглое настольное зеркальце снова в руки, осмотрел свои волосы и остался доволен: Ежи аккуратно и вполне профессионально укоротил его причёску, придав лицу более ухоженный вид.

– Видите, никаких экспериментов! – довольно сказал Ежи. – Взял за основу то, что у вас было на голове после причёсывания! А вы не знаете, где Оксана делает причёски?

Тарас поднялся с кресла, обернулся.

– Нет, не знаю.

– А у нее кто-то есть? – осторожнее и потише спросил сосед.

Тарас пожал плечами.

– Она бездомным помогает... В свободное время. А больше она мне ничего не рассказывала...

– Бездомным? – повторил, задумавшись, Ежи.

– А это ваша мама? – Тарас указал взглядом на фотопортрет дамы в шляпке.

Ежи улыбнулся.

– Правда, я на нее похож?

Тарас кивнул.

– Вы Оксане покажите, как я вас подстриг! – В глазах у Ежи блеснул хитроватый огонек. – И, если спросит, скажите, что у меня тут порядок, – он обвел взглядом свою комнату. – Вам же не будет это сложно ей сказать? А я скажу, что вы рыбок регулярно кормите и воду в аквариуме меняете...

– А что, ее надо менять? – спросил ошарашенный Тарас.

Ежи кивнул.

Тарас торопливо попрощался, поблагодарил Ежи за стрижку.

Поднимаясь на свой второй этаж, аккуратно переступил пятую ступеньку. Закрыв за собой дверь, сразу отправился к подоконнику посмотреть на рыбок. Поверхность воды была чистой и гладкой, от корма не осталось и следов.

Глава 11

Налюбовавшись рыбками, Тарас подошел к зеркалу в коридоре. Осмотрел свою прическу, удивляясь в очередной раз, с одной стороны, своей глупой податливости, благодаря которой он оказался в старом парикмахерском кресле соседа, с другой стороны – добротной прическе, появившейся в результате на его голове. Но время назад не отмотать, как пленку в старом бобинном магнитофоне. Да и не надо. На голове ведь полный порядок. И в голове тоже. Только за окном заканчивается сентябрь. Солнце стало редким гостем. Дождь то капает, то льется. Простое человеческое общение на фоне львовского сентября приобретает дополнительную ценность и становится более желанным, чем в летние жаркие дни. И поймал себя Тарас на том, что впервые в своей жизни думает он хорошо о соседе. В мыслях проскочила даже определенная жалость к этому странному, суетливо-неустроенному в жизни человеку, которому, должно быть, и в теплые месяцы года не хватает обычного человеческого тепла. Мысль эта могла бы развиваться у Тараса и дальше, но тут зазвонил мобильный.

– Это я, Лёня! – донесся из мобильного знакомый голос. – Помните?

– Помню, – выдохнул Тарас, возвращаясь из коридора в комнату.

– Я решил, – сообщил Лёня. – Готов, так сказать, на второй сеанс!

– Может оказаться больше, чем прошлой ночью! – предупредил Тарас серьезным голосом.

– А я бутылку с собой возьму, а то вчера как-то не додумался...

– Хорошо, в полночь там же, у Оперы! Только не забудьте за два часа до встречи принять стакан коньяка!

Опустив мобильник на стол, Тарас задумался, пытаясь разобраться: рад он тому, что есть на ночь работа, или не рад? С одной стороны – рад. Но показалась ему вдруг эта работа мелкой, не важной. Двадцать-тридцать евро за бессонную ночь – тоже деньги, на которые вполне удавалось нормально, без претензий жить. Но жить одному. А жить одному, хоть и дешево, но как-то неудобно. Да и опасно – можно дожить до состояния соседа Ежи Астровского и потом вдруг неожиданно заметить, что жизнь прошла, а тебя никто не любит и ты никому не нужен. И тогда уже в обмен на то, чтобы тебя выслушали, ты стрижешь соседа или жарешь яичницу соседке!

Мысли явно пытались соответствовать меланхолической мелодии осени. Тарас понял, что надо притормозить, надо взбодриться! Отправился на кухню, заварил крепкого кофе. Выпил, явственно ощутив его горечь на языке. Вспомнил о Дарке из ночного обменника. Вспомнил о своей неудачной попытке угостить ее кофейком. На губах заиграла улыбка. «Этой ночью всё будет классно!» – решил он. План созрел и оказался идеально простым для исполнения. Молотый кофе – тут, на кухне. Термос – в машине во дворе. Только вот как просунуть ей чашку с кофе внутрь обменки? Тарас поднял правую руку, уставился на большой и указательный пальцы, пытаясь ими восстановить высоту выреза в окошке, через который просовывались туда-обратно денежные знаки.

– Надо быть изобретательнее, – сказал он сам себе и, переодевшись в джинсы и свитер, накинув ветровку и зашнуровав кроссовки, вышел на улицу. Совсем рядом с его домом был один из многих в городе магазинчиков с многообещающим названием «Всё за 1 гривну».

Уже минут пять спустя он оказался в этом царстве дешевизны, где на полках лежали в ожидании своей участи десятки ненужных товаров. Некоторые действительно стоили одну гривну, другие от этой цены оторвались, но не далеко. Были тут и керамические кружки по семь гривен, были и пластиковые тарелки. Тарас внимательно осматривал полку за полкой в надежде увидеть какую-нибудь низкую, приземленно-приземистую чайную чашку – именно так он представил себе то, что ему нужно для осуществления задуманного романтического

акта, который можно было бы назвать «Угощение крепким кофе очаровательной затворницы». Но чашек нужной высоты в магазине не оказалось. Продавщица стояла у двери с книжкой в руках. Читала. Тарас отвлек ее, обрисовал словами то, что он ищет. Девушка-брюнетка лениво прошлась вдоль полок с товарами, словно освежала их в памяти. Остановила взгляд на черных фаянсовых пепельницах с надписью «Venezia» на дне. Бортики пепельниц были прямые и высокие, с маленькими квадратными вырезами-бойницами для удерживания сигарет. Тарас ехидно ухмыльнулся, проследив за взглядом продавщицы.

– Я не курю, – сказал он.

– Я так понимаю, вам нужна плоская емкость. – Девушка одарила клиента задумчивым томным взглядом. – Это вот, – она кивнула на пепельницы, – самое плоское, что у нас есть.

Тарас уронил взгляд на книгу, которую она держала в руке. «Справочник фармаколога» – прочитал он на обложке.

– А если б вам предложили выпить из этой пепельницы кофе?! – едко спросил Тарас.

На ее лице возникло сначала удивление, а потом – любопытство. Она взяла тонкими пальцами пепельницу, осмотрела. Отложив книгу на нижнюю полку, покрутила пепельницу в руках, в конце концов опустив ее на ладонь и удерживая, как воображаемое блюдце с чаем, поднесла к губам.

Тарас чуть не испугался, девушка могла бы быть талантливой актрисой. Ее губы едва приоткрылись и стали такими чувственными, словно пепельница, к которой они собирались вот-вот прикоснуться, была живой, была не пепельницей, а тоже губами, мужскими, может быть, даже его, Тараса, губами.

– Интересно, – томно выдохнула продавщица. – Я об этом никогда не думала...

– Что интересно? – переспросил Тарас.

– Это я о своем. – Она посмотрела на клиента. – А вообще, это от обстановки зависит, от атмосферы, – голос ее подобрел. Она поставила пепельницу на место. – Если атмосфера подходящая, то можно кофе и из пепельницы выпить!

Тарас, пораженный убедительностью сказанного, тут же заплатил за пепельницу и остановился на пороге магазина. На улице шел дождь. Он вернулся к полке и взял еще одну такую же черную «венетскую» пепельницу. Потом, держа в каждой руке по пепельнице, он перебежал под дождем из магазина в свой двор, остановившись на мгновение под брамой. Настроение улучшилось. Теперь он уже думал о себе, а не о соседе. О себе, и о Дарке, и о том, что этой ночью ему удастся ее не только напоить хорошим кофе, но и повеселить!

Глава 12

Серый плащ и не местной моды кепка Лёни бросились бы в глаза любому прохожему, если бы последний оказался в полночь около входа в оперный театр. Но неспешных наблюдательных прохожих в это время суток во Львове не бывает, а потому только Тарас обратил на него внимание, подходя к театру со стороны улицы Армянской. Лёня стоял ровненько, не пошатываясь, и напряженно, как обычно стоят договорившиеся встретиться незнакомые между собою люди. Он, вероятно, ожидал появления Тараса с другой стороны, а потому дернулся, услышав совсем рядом, за спиной, стук подошв.

– Ну как, готовы? – спросил Тарас по-деловому, даже не поздоровавшись.

Манеры и способ поведения Лёни еще вчера подсказали Тарасу, что приезжий клиент, возле которого регулярно появлялся запах бензина, живет вне правил обычного обихода и этикета, живет, как слово в бесконечном нагромождении слов, так и не ставших предложением из-за своего неприятия правил пунктуации. Он тоже не поздоровался с Тарасом. Вероятно, потому, что и ночью он не попрощался, а значит, формально они и не расставались.

– Готов, – проговорил приезжий.

Пока шли к машине, Тарас вспоминал рентгеновский снимок, который Лёня вчера показывал. Ясно, что прошлой ночью на свет Божий явился ближний к уретре камешек. Думая категориями скорее геометрическими, чем медицинскими, Тарас представил себе одновременное движение всех трех камней, не забывая однако при этом, что у первого камня путь наружу был самым простым, остальным двум еще предстояло высвободиться из почек в мочеточники. Конечно, вчерашние вибропроцедуры вполне могли их сдвинуть с места, могли даже подтолкнуть второй камень к уретре. Эти краткие рассуждения привели Тараса к мысли о том, что начинать процедуры надо резкими «короткими» вибрациями, а потом, принимая во внимание состояние клиента, временно сменить их менее интенсивными и «длинными», чтобы в финале снова выйти на резкие и сильные вибрации, которые бы и довершили дело.

Лёня уселся на переднее сиденье так привычно и по-свойски, будто Тарас был его бесменным водителем. Тарас завел мотор, старенький «опель» тронулся по мелкому ровному булыжнику, плавно отвалив от бровки.

– Пристегнитесь пока! – попросил Тарас.

Лёня молча пристегнулся.

Тарас, уже нарисовавший в своем воображаемом GPS-карту сегодняшнего «каменыводящего» маршрута – улица Лесная (5–6 прогонов), Лычаковская (4–6 прогонов), Городецкая (4–6 прогонов) и под конец снова улица Лесная (4–6 прогонов), – уверенно вел машину к выбранной точке старта.

Уловив носом запах бензина, он автоматически бросил взгляд себе под ноги, на резиновый коврик. Потом на мгновение обернулся, глянул на пассажира. Захотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но замершее выражение лица Лёни удержало Тараса от исполнения своих благих намерений.

Построенный в уме план процедур оказался верным. К четырем утра на улице Лесной, недалеко от неровных ступенек на парковую гору, слева от памятника «смайлику» – странной скульптурной конструкции, состоящей из бетонного постамента и немалого размера бетонного шара, на котором чья-то добрая рука нарисовала компьютерную рожицу с улыбкой, раздался «крик освобождения». К радости Тараса, ни одно окно в четырехэтажном желто-оранжевом доме напротив горки не зажглось в ответ на крик Лёни. Рука Лёни, когда тот передавал Тарасу стеклянную банку, дрожала.

– Ну что, завтра продолжим или хватит? – спросил Тарас уже у оперного театра.

Лёня помолчал, задумавшись. Его лицо более не выражало боли – только озлобленную усталость.

– Я подумаю, – сказал он после паузы. – Короче, позвоню, если што надумаю. – И, не попрощавшись, выбрался из машины, захлопнув за собой дверцу.

Тарас проводил его взглядом, потом вытряхнул из банки серый камешек размером с рисовое зернышко на разложенный бумажный носовичок. Промокнул и аккуратно опустил в пластиковый тубус из-под гомеопатических шариков. Захотелось спать. Но неожиданная мысль неприятно взбодрила его: Лёня не заплатил за процедуры! Тарас огорченно покачал головой, взгляд его упал на сиденье Лёни. И огорчение на его лице сменилось удивлением – на сиденье лежали три помятые десятидолларовые купюры. От купюр пахло бензином. Тарас поднес их к носу, понюхал повнимательнее. Действительно, доллары имели запах бензина, но не очень резкий, не отталкивающий. Настроение улучшилось. Вспомнил Тарас о Дарке, о термосе в багажнике, закутанном в большое полотенце и запакованном в сумку, чтобы крепкий, с любовью сваренный кофе не смог пострадать в результате «длинных» и «коротких» вибраций. В этой же сумке, также защищенные от вибрации, лежали две новенькие фаянсовые пепельницы.

А время приближалось к четырем. До гимна Украины было больше двух часов, и только одно могло придать смысл времени, остававшемуся до официального наступления следующего «государственного» дня – свидание с Даркой, с этой загадочной девушкой в длинных матерчатых перчатках, с этой хозяйкой ночных денег, затворенной вместе с деньгами в маленькой кирпичной башне на улице Ивана Франко рядом с трамвайной остановкой.

Старенький «опель» вез своего хозяина на свидание тихо, словно радуясь возможности просто наслаждаться более или менее ровной дорогой, не вытряхивая из пассажиров камни и матерные выражения.

Тарас остановил машину за углом на Костомарова. Он решил появиться внезапно и с термосом в руке. Улица была пустынной. За спиной, подсвеченное специальным фонарем, желтело рекламное пластиковое кресло, укрепленное на углу дома на высоте второго этажа, – креатив хозяев мебельного магазина, расположенного в этом же доме.

Высвободив термос из полотенца, Тарас достал и пепельницы, протер их тем же полотенцем и сунул в карманы куртки – по пепельнице в каждый.

Выйдя на Франко, он удивился, не заметив привычного электрического света, обычно вырывающегося из окошка обменника. Ускорил шаг, ощущая внезапное беспокойство. Остановился у окошка, заглядывая внутрь жадным взглядом.

За окошком горела свеча, освещавшая только собственное пламя. Перепуганный Тарас нервно сглотнул слюну и направил взгляд мимо пламени свечи. В правом углу в полумраке сидела Дарка. Сидела неподвижно.

– Добрый вечер! – прошептал Тарас. – Как вы тут?

Дарка наклонилась вперед, всматриваясь в лицо за окошком.

– Ой, – вздохнула она с облегчением. – Это вы! Слава богу!

– Что-то случилось?

– Электричество пропало, – сказала она тоже негромко, почти шепотом. – Я позвонила хозяину. Он сказал притаиться и ждать. Сказал, что бандиты могли перерезать провода, чтобы я не могла нажать тревожную кнопку...

– А сам он что, приехать сюда не может? – рассердился Тарас.

– Он не в городе, а в шесть меня откроет сменщик. У него ключи.

– Это же не работа! – возмутился Тарас. – Это форменное рабство! Вам нужно искать что-нибудь получше!

– Работа с деньгами – это всегда рабство, – спокойно ответила Дарка. – Но мне нужна ночная работа...

– Кофе? – спросил Тарас, поставив на прилавок с внешней стороны металлический термос.

– Я бы да, с радостью. – Голос Дарки больше не был испуганным, но теперь в нем прозвучала грусть. – Только как?

Тарас усмехнулся, но девушка этого не заметила.

Он достал из карманов новенькие пепельницы, поставил рядом с термосом, наполнил их кофе и аккуратно просунул одну в вырез-нишу для обмена купюрами.

Рука в синей матерчатой перчатке захватила двумя пальчиками черную пепельницу с кофе и затащила ее внутрь.

– Что это, блюдце такое? – спросила Дарка, уже придвинувшись со стулом к окошку. Теперь пламя свечи освещало правую сторону ее лица.

Не дожидаясь ответа, она пригубила кофе. Тарас поднес ко рту свою пепельницу.

– Ой! Да это же!.. – рассмеялась Дарка и смех ее прозвучал удивительно радостно, искренне и звонко, – ...это же пепельница! Кофе табака!!!!

Тарас ощутил момент счастья. Он был виновником ее смеха, ее радости. Молниеносная гордость захватила его. Захватила, подняла над городом и тут же отпустила. И стал он легким и бестелесным, как волшебник или сказочный герой. А лицо Дарки в окошке вдруг засветилось сильнее свечи, и огонь в ее глазах загорелся – веселый и дикий. Пустая пепельница стояла перед ней у горящей свечи, и слово «Venezia» теперь легко прочитывалось.

– Еще кофе? – спросил Тарас.

Дарка кивнула и просунула пепельницу наружу.

Тарас снова наполнил ее кофе. Подал обратно. В спину ему вдруг ударил порыв ветра, и свечка в обменке чуть не потухла. Дарка бросила к ней ладони, закрыла пламя свечи от ветра. Лицо ее враз стало перепуганным.

– Ой, когда свет пропал – тоже такой ветер был. Один порыв ветра, и всё! И птицы кричали странно и громко. Крик у них был похож на хриплый смех! А ведь обычно ночью они молчат! – говорила Дарка, подавшись вперед всем телом и приблизив лицо к внутренней части окошечка, чтобы лучше видеть Тараса.

Ее лицо при мягком освещении свечи казалось одновременно и детским, и иконописным. Даже испуг ей шел, делал по-особенному желанной. Тарасу сразу захотелось ее защитить. Он и стоял тут, как страж, как защитник.

За разговорами они допили кофе, и Тарас охотно предложил съездить домой и заварить еще один термос.

– Нет, не уходите! – попросила она, и Тарас впервые почувствовал себя нужным. – Давайте просто так, без кофе, поговорим. Вы мне уже что-то про себя рассказывали... Вы ведь медик?! Ночью, наверное, на вызовы ездите?!

– На выезды – да! – Тарас кивнул. – Но вообще-то я занимаюсь частной практикой по своей методике. Конкременты вывожу, то есть почечные камни. Это, конечно, тема не застольная... А вы... Вы так интересно одеваетесь! Я раньше только ваши руки видел... В перчатках...

– Ой, только не подумайте, что я – модница! – Голос Дарки снова стал чистым, живым, освободившимся от ноток испуга. – У меня аллергия на деньги... точнее, на денежные знаки и мелочь... Я, когда маленькая была, только возьму монетку или бумажные деньги в руку, так сразу жжение в коже начинается, сначала в пальцах, если я пальцами деньги держу, потом все руки красные по две-три недели и зудят. Страшно больно было! Сейчас я уже научилась. Всё хорошо теперь. Вот, смотрите! – В ее пальцах появилась банкнота в пятьсот российских рублей. Зашуршали деньги, а рука в синей перчатке заиграла пальчиками, заставляя банкноту хрустеть еще громче.

– Как-то я не пойму, – задумался вслух Тарас. – У вас на деньги аллергия, а вы с деньгами работаете!

Дарка пожала плечиками.

– Платят хорошо, да и мне врачи посоветовали ночную работу, чтобы с утра спать ложиться. У меня кожа очень чувствительная, не только на деньги. Когда я вечером ложилась, то долго не могла заснуть, ерзала, с боку на бок переворачивалась и тоже потом пятна красные, зуд... Если б вы не были врачом, я бы вам об этом не говорила...

– Жаль, что я только камнями занимаюсь, – выдохнул Тарас. – Но кто знает?! Может, и я чем-то смогу помочь...

Над обменкой закричала-засмеялась громко незнакомая птица. Потом опустилась прямо на крышу, еще раз резко крикнула-хохотнула, и шумно хлопнув крыльями, взмыла в черное небо.

– Слышали? – в голосе Дарки снова были слышны страх и испуг.

– Не только слышал, но и видел! – совершенно спокойно сказал на это Тарас. – Ворона! Только, кажется, белая!

– Ворона?! – удивилась Дарка. – Вороны так не кричат... Вороны каркают! Да и ночью они спят. В Стрыйском парке. А утром летят на свалку в Грибовичи.

– Откуда вы всё это знаете? – удивился Тарас. – Вы что, следите за воронами?

– Они над нашим домом летают и в детстве так летали, через весь центр. Вечером в парк, а рано утром – на свалку! Их же тут тысячи!

Тарасу даже не пришлось оправдываться за свое вранье. Не разглядел он эту птицу, только ее окраску, но была она, кажется, больше обычной вороны. Однако Дарку этот вопрос вдруг перестал интересовать. Она вспомнила свое детство. И стала о нем рассказывать. Кофе забылся, вкус его, как и тот заряд бодрости, который дает кофеин, улетучился с языка. Усталость начинала одолевать, и противостоять ей становилось Тарасу всё сложнее и сложнее. Однако уйти без разрешения Дарки он не мог, не смел. Это было обычное «джентльменское» исполнение долга.

Около половины шестого напротив обменки остановилась белая «Лада», из нее вышел мужчина лет пятидесяти в очках, в кожаном пальто.

– Отойдите от окошка! – сказал он строго Тарасу.

– С какой стати? – возмутился Тарас.

– Тарас, отойдите, – из обменки донесся голос Дарки. – Это Орест Васильевич, он меня открое!

Тарас сделал несколько шагов в сторону. Проследил за человеком в очках. Тот обошел левое окошко постройки, над которым висела табличка «Ремонт часов», в его руке звякнули ключи. Внезапно окошко обменки наполнилось светом – снова загорелась лампочка. И тут же свет появился в двух-трех окнах дома напротив.

– Ну вот, теперь всё хорошо, – произнесла Дарка, внезапно оказавшись рядом вместе со сменщиком. Она выглядела невысокой, миниатюрной, лакомой.

– Так, может, вас домой подвезти? – предложил Тарас.

Дарка бросила взгляд на мужчину, приехавшего на «Ладе», помедлила с ответом, но потом отрицательно мотнула головой.

– Орест Васильевич лучше дорогу знает.

Она кивнула на прощанье, села в белую «Ладу», и унесла ее машина куда-то вдаль по пустынной улице.

Поднимаясь на свой второй этаж усталой походкой, задумчивый Тарас чуть было не наступил на пятую ступеньку. В последний момент удалось ему из последних сил податься вперед всем телом и перенести правую стопу на следующую, шестую ступеньку.

Уже сквозь сон он услышал из радиоточки звуки гимна. На лице улыбка появилась. И вдогонку мысль пролетела об их с Даркой сходстве – оба ведь ложились спать очень уставшими и рано утром. А значит, оба спали крепко.

За окном уже вовсю шумела жизнь, громыхали грузовики, машины. Стучали по тротуару подошвы дешевых ботинок. Город ожил и издавал тысячи звуков, не способных проникнуть в глубокий сон Тараса.

Глава 13

Далеко за полночь Алик шел по Замарстиновской к себе домой, на свой личный, маленький и уютный край города Львова, где во двореке, который он делил с пятью полными и не полными семьями, не было ни одной собаки. Отсутствие собак позволяло приходить домой в любое время, не тревожа ни тишину, ни сон соседей.

Настроение было легкое и романтическое. Именно с таким настроением он выполнил свои служебные обязанности «левого» осветителя в театре оперы и балета, а именно – осветил со своей рабочей ложи левой стороны зала мощным прожектором симпатичную постановку «Веселой вдовы» Оффенбаха. В антракте посмеялся с дамами-гардеробщицами, угостившими его чаем из термоса. Пару раз улыбку на его лице вызвали уже не раз виденные сценки из оперетты. Для него эта оперетта несла как бы двойной смысл. Видел он в ней больше, чем обычный зритель, потому что, зная актеров и актрис и их между собой отношения, улыбался он еще и тогда, когда актеры по велению случая и Оффенбаха вдруг начинали играть самих себя. Бывшие реальные возлюбленные талантливо играли опереточных возлюбленных, но в их глазах в это время вспыхивали совсем не театральные искорки. С высоты боковой осветительной ложи, конечно, «прочитать» глаза актеров мог только Алик. Неосведомленному зрителю куда интереснее казались яркие костюмы, жесты, фразы.

Мимо пронеслась «скорая помощь» с синей мигалкой, но без sireны. Порыв ветра от промчавшейся машины чуть не сорвал с головы Алика его любимую кожаную широкополую шляпу. Синие отблески виднелись впереди даже тогда, когда машина уже скрылась из виду. Темное небо насупилось. Алик почувствовал, как оно опускается ниже, словно хочет именно в него попасть дождем или ливнем. Прибавил шагу. Его шаги, создававшие в ночной львовской тишине единственный ритм, зазвучали чуть громче.

Впереди показался очередной перекресток со светофором. Когда Алик приблизился к нему, светофор включил красный сигнал, и Алик остановился. И лишь тогда заметил, что идет он по проезжей части дороги. Хоть и по краю, но по проезжему краю. И, особенно не задумываясь, но где-то подспудно ощущая себя собственным транспортным средством, он дождался зеленого сигнала и только после этого быстро перешел пересекающую его путь улицу.

Этот путь и именно в это время он проделывал сотни раз. Человек создает себе маршруты и потом всю жизнь следует им. И если маршрут меняется не по его воле, то чувство возникающего дискомфорта может равняться по последствиям серьезному заболеванию.

Вот и сегодня, а точнее, вчера поздним вечером, после работы в театре он отправился на Грушевского к своей давней подруге, и с ней они просидели за кухонным столом и разговорами почти до двух ночи. Ночное время «заговаривается» быстро и незаметно. Оно не идет, как часы. Оно присаживается с вами рядом за стол и оказывается тем невидимым третьим, который хранит удовольствие вашей беседы, позволяет расслабленно углубиться в воспоминания. Оно никогда не торопит.

Но когда беседа уже позади и человек вышел из уютного частного мирка в менее уютный общий, к тому же ночной и вот-вот готовый разродиться дождем, тогда уже время торопит и никуда от него не деться, потому что вместо тикающих стрелок стучат подошвы по булыжнику или асфальту и человеку, как особому часовому механизму, позволяет ускорять свое движение, ускорять свое собственное время как для обычной безопасности, так и просто для быстреешего перехода в свой следующий уютный частный мирок.

Где-то высоко над головой Алика раздался странный шум, и Алик поправил широкополую кожаную шляпу, насадил ее на голову покрепче, чтобы внезапный порыв ветра ее не сорвал.

Впереди, метрах в десяти, на дорогу упало что-то грузное и темное. Алик приостановился. Через минуту подошел осторожным шагом и присел на корточки над распластанной на асфальте большой мертвой вороной. Ее черная головка была в крови. Бросив встревоженный взгляд в темное небо, Алик поднялся, обошел неподвижную птицу и продолжил свой путь. Только легкие мысли и ощущения оставили его. Тишина ночного города была теперь созвучна тишине в его голове. Он только отметил мысленно, что до его дома еще минут пятнадцать ходьбы.

Увидев свою калитку и свой ближний к дороге одноэтажный домик, который он делил со своей мачехой, Алик обрадовался. Еще пару минут, и он зайдет в свой флигелек, комнату-пристройку с двумя окошками: одно на огород мачехи и на деревянную будочку туалета и второе – на узкий проход между домом и несколькими пристроенными друг к другу кирпичными сарайчиками. Если выйти из его жилища, повернуть налево, а потом сразу направо и вверх, то можно подняться по тропинке на горку, где усилиями его и его друзей была обустроена площадочка для шашлыков с деревянными столиком, скамейками и навесом от дождя.

– Добрый вечер! – прозвучал за спиной Алика мужской полусшепот, когда его рука уже взялась за верхний край калитки.

Алик напряженно замер. Оглядываться не хотелось. Вспомнились лихие семидесятые-восемидесятые и досаждавшие ему представители внутренних органов – милиционеры, гэбисты, появлявшиеся совершенно неожиданно и иногда так же игриво и издевательски вежливо говорившие неуместные случаю слова приветствия.

– Кто это? – спросил Алик, не оборачиваясь и не трогаясь с места.

– Рябцев, капитан Рябцев, – ответили из-за спины уже нормальным, не приглушенным голосом, и интонация теперь оказалась подчеркнуто приветливой.

Алик обернулся. Перед ним стоял его бывший «куратор» из КГБ.

– Что вы здесь делаете? – удивился слегка раздраженно Алик.

Просительное выражение лица бывшего гэбиста навело Алика на мысль, что Рябцев пришел попросить в долг денег. От этой мысли Алик улыбнулся – более смешного адреса для одалживания денег, чем Замарстиновская, 270, во Львове и быть не могло.

– Я ж не с пустыми руками, – Рябцев показал взглядом на старомодный черный портфель-дипломат в правой руке.

– А там что? – подозрительно поинтересовался Алик, вспомнив о недавнем недвусмысленном заявлении Рябцева на Лычаковском кладбище.

Рябцев слегка встряхнул дипломатом, и оттуда донеслось звяканье стекла.

– Бутылочка, – сладко произнес ночной непрошенный гость. – К разговору...

– Ладно. – Алик вздохнул, открыл калитку и пропустил Рябцева вперед.

Тот, словно был частым гостем у Алика, тут же прошел за дом, повернул налево и остановился у узкой дверцы, заклеенной плакатами, наклейками и различными памятными этикетками прошлого века.

В маленькой комнатке вспыхнул свет. На стенах ожили старые фотографии.

– Тут ничего не поменялось! Просто удивительно! – вырвалось у Рябцева.

– А вы разве у меня бывали? – удивился Алик, засовывая свою шляпу на верхнюю полку вешалки в коридорчике.

– Конечно, бывал, но в ваше отсутствие... Извините, так уж тогда положено было. Сами вы меня не пригласили бы... А мне тут у вас нравилось! – И Рябцев прошел к дивану у левой стены и уселся на него без приглашения. Уселся и словно пощупал его худой задницей, проверяя на упругость.

– Чай? Кофе? – вежливо спросил Алик.

– Что вы, что вы! Не беспокойтесь! Я всё с собой принес! – Рябцев поднялся, раскрыл портфель-дипломат и выложил из него на стол бутылку водки, консервированный салат из морской капусты, хлеб, колбасу.

Алику ничего не оставалось, как заняться сервировкой стола. Радовало одно: не надо было выдвигать столик от окна на середину комнаты.

Рябцев больше не вызывал у Алика раздражения. Как-то слишком легко он вписался в микроландшафт этой комнаты, словно специально уменьшившись в размерах, чтобы не выделяться на фоне предметов жизненного обихода. Так же легко и по-свойски он воспользовался садовым умывальником, висевшим в левом углу над тумбой-раковиной, внутри которой стояло обычное ведро для воды. Тут же он вытер руки о полотенце, висевшее на гвоздике слева от умывальника. И уже сидел в позе «всегда готов» за столиком, на который хозяин выкладывал не спеша рюмки, тарелки и вилки.

– Вы не подумайте, что я хотел вас напугать! – Рябцев взял в руку наполненную рюмочку. – Иногда просыпается давний инстинкт. Поэтому и «добрый вечер» шепотом в затылок... Понимаете! Я ведь совсем не такой... Да и меня к вам привело серьезное беспокойство... У меня ведь тут никого нет... Вы, да еще парочка старых коллег, с которыми изредка вижусь... А голова работает, информацию обрабатывать меня научили хорошо, а с обработанной информацией больше идти некуда и не к кому...

– А в СБУ? – пошутил Алик, поднося свою рюмку ко рту.

Рябцев отмахнулся левой рукой.

– Дела ведь серьезные... Давайте выпьем!

Они выпили, Алик вывалил себе на тарелку морской капусты. Давно он ее не ел. Должно быть, с советского времени. Тогда, в последние годы советской власти, морская капуста продавалась везде и была почти единственным не дефицитным продуктом. И тогда же он, Алик, наелся ее лет на тридцать вперед. Но вот сейчас, этой ночью, оказалось, что не на тридцать, а на двадцать! И вкус ее освежил язык после того, как пролилась по нему рюмка водки.

– У меня, Алик, уже многие годы бессонница. Брожу ночами по городу, думаю, вспоминаю. И вот в последнее время что-то в городе не так... Что-то происходит...

Алик пожал плечами.

– В городе всегда что-то происходит и часто что-нибудь не так, – выдохнул он.

– Нет, я не о самом городе... Я о другом... Такое ощущение, что вот-вот произойдет катастрофа. Природная катастрофа. Землетрясение или потоп...

– Потоп? В городе, где постоянно не хватает воды и где нет речки?!

– Я сейчас объясню, – Рябцев выдержал паузу. – Несколько раз за последнее время во время моих ночных прогулок по городу я попадал в места, где в воздухе вдруг появлялся отчетливый запах моря, запах йода и водорослей. И я ясно слышал крики чаек. В это время воздух как бы дрожал, понимаете. Становилось не по себе...

– Мистика, – задумчиво произнес Алик.

Рябцев кивнул и снова наполнил рюмки.

– Да, мистика... Но мой старый товарищ, тоже любитель ночных прогулок, рассказывал мне такие же вещи! Я порылся в книгах и, конечно, сразу нашел информацию о том, что здесь раньше было дно доисторического Карпатского моря. То есть мы живем на дне! Это, конечно, и нынешней ситуации в стране созвучно, но я не о политике! Я тогда подумал – а что если это море возвращается, поднимается из-под земли, просачивается?! Оно же было соленое! А подниматься оно может и грунтовыми водами, и источниками. Город, конечно, застроен, забетонирован. Вода может упираться в подвалы, в фундаменты, но там, где она находит выход, она выходит наружу и оставляет этот йодистый соленый запах. Мой товарищ с моими выводами согласен... Карпатское море хочет, чтобы мы снова стали дном!

Алик усмехнулся.

– У нас лет восемь назад во дворе появился источник, – сказал он. – Я вам сейчас налью! Он взял с печки ведро с водой, наполнил стакан и протянул Рябцеву.

Рябцев попробовал, посмаковал во рту сладковатую мягкую воду.

– Не соленая? – спросил Алик.

Капитан отрицательно мотнул головой.

– Но что-то точно происходит! – упрямо сказал он. – Я это чувствую... Вы не думайте, что это шутка... Что-то не шуточное происходит!!!

Натолкнувшись на недоверие к своей теории со стороны длинноволосого хозяина флигелька, Рябцев сник и перестал быть разговорчивым. Так, довольно быстро, встреча-застолье подошла к концу.

– Может, вам вызвать такси? – спросил Алик.

– Не надо, у меня «riaggio» в кустах, – ответил Рябцев.

– В кустах?

– У пруда. Мне ведь на Сыхов, тоже не ближний свет! На такси с моей-то пенсией дорого!

Алик проводил гостя через дорогу к пруду. Там Рябцев сел на свой мотороллер, поразивший убежденного хиппи своим ярким желтым цветом, и обернулся.

– В следующий раз вы – ко мне! – сказал он. – Вы же у меня никогда не были!

Алик кивнул.

– Я позвоню! Скоро позвоню! – пообещал Рябцев и уехал.

Алик остался на берегу пруда. Воздух был влажен, и свеж, и тяжел. И показалось вдруг Алику, что действительно пахнет тут морем и йодом. Он оглянулся по сторонам, подышал носом, пошевелил во рту языком. На языке всё еще ощущался вкус морской капусты.

«Отсюда и иллюзия запаха! – подумал Алик. – Он, наверное, эти водоросли каждый день ест! Они ведь дешевые!»

Глава 14

К обеду Тарас проснулся. На губах яркий, но воображаемый привкус женской помады с малиновым ароматом – приснилось, что Дарка несколько раз целовала его в губы, при этом не прикасаясь к нему своими руками в длинных матерчатых перчатках.

На улице шумно и светло. Выглянуло солнце, и его лучи пробивались через щель в занавеске, падая на старый протертый паркет комнаты.

Тарас, умывшись, вспомнил о рыбках и тут же насыпал им корма, после чего задумался о том, что и ему бы обеденный корм не помешал. Но прежде чем отойти от подоконника, зачерпнул ладонью воды из аквариума и обрызгал ею стоящие рядом кактусы.

Пока разглядывал освещенные внутренней лампочкой просторные недра холодильника, до его ушей донесся визг пятой ступеньки. Слух резануло так, что он скривил губы. И с сочувствием вспомнил о Ежи, который всегда воспринимал «вскрик» этой ступеньки как личное оскорбление. Несколько мгновений Тарас ожидал звонка в дверь, но, как ни странно, звонка не последовало. Значит, некто, не знающий музыкальных тонкостей старинной деревянной лестницы их парадного, поднялся этажом выше, где между небом и землей, на третьем этаже проживала парочка пенсионеров, время от времени дышащая свежим воздухом на балконе своей квартиры. Еду им приносила социальная работница, знавшая о «пятой ступеньке». Возможно, в этот раз ее кто-то заменял?!

От размышлений отвлек звонок мобильного.

Бодрый голос Лёни сообщил, что он готов к процедуре по выведению последнего, третьего камня.

Тарас, услышав о решимости пациента, замер.

– Может, в другой раз? – предложил он после паузы. – Вы уже две ночи подряд напрягались... это всё-таки не легко.

– Бог троицу любит, – упрямо заявил Лёня. – Давайте! Я доплачу...

– Бог имел в виду другую троицу, – проговорил Тарас задумчиво. – Перезвоните, пожалуйста, часиков в шесть. Я пока себя неважно чувствую. Если вычихаюсь, то поедем!

– Я позвоню! – твердо пообещал прямолинейный клиент.

Тарас закрыл форточку на кухне, и тут же в помещении стало тише и уютнее. Присел за стол, вспомнил о своем желании что-нибудь съесть и сразу же услышал бодрый дверной звонок.

Судя по тому, что «пятая ступенька» перед звонком промолчала, пришел кто-то из своих. Скорее всего, Ежи. Догадка не вызвала у Тараса радости. Он не спеша прошел в коридор.

– Привет, Тарасик! – В открытую дверь впорхнула Оксанка. – Я тут мимо проезжала, дай, думаю, загляну в твой холодильник!

И подруга направилась в кухню с синей хозяйственной сумкой в руке. Щелкнула, открываясь, дверца холодильника.

– Я так и думала! – прозвенел строгий голос Оксаны. – Ты хочешь себя до язвы довести?!

Когда Тарас зашел на кухню, Оксана уже перегружала продукты из сумки в холодильник.

– Вот это, – она показала супермаркетовскую упаковку телячьих ребер, – для супа! Помнишь, как варить суп?

Тарас кивнул. Он действительно помнил, ведь Оксана ему раза четыре показывала, заставляя устно повторять всю последовательность действий.

– Так, с тебя восемьдесят пять гривен! Вот чек! – сказала она, выпрямившись и стоя напротив.

Тарас полез в карман за деньгами. Пока вытаскивал, Оксана успела сходить в комнату и вернуться с довольной улыбкой на лице.

– Молодец, что про рыбок не забываешь! Я, кстати, тебе рассказать кое-что хотела!

– Может, присядешь? – предложил Тарас.

– Нет, спешу! У нас через час репетиция, новые номера будем учить... Так вот, прошлой ночью была магнитная буря! Такой силы, что в центре города свет пропал! А на Франко в одном доме – два самоубийства, представляешь?! И еще по радио передавали, что Львовэнерго сообщило, будто не было никаких аварий и электричество поставлялось бесперебойно! Пони-маешь? Тарас отрицательно мотнул головой.

– Ну, все счетчики показывали, что электричество поставляется, а на самом деле в цен-тре города его несколько часов не было! Это значит, что эта магнитная буря на себя энергию перетянула... Ой, ты постригся! – Оксана обратила внимание на волосы Тараса. – Молодец! Хорошая стрижка! Наверное, влюбился! – хитровато улыбнулась она.

Тарас едва заметно кивнул и тут же покачал головой, словно стараясь отменить свой кивок. Однако Оксана этого не видела. Она выглянула в окно.

– Так, мне пора! – Гостя шагнула к двери, но остановилась и снова обернулась к хозяину квартиры. – Твой сосед меня на кофе приглашал! А я его не узнала сначала! У вас с ним всё в порядке?

– Да.

– А ступеньку он починил?

– Нет.

– Передай ему привет и напomini о ступеньке! Он обещал плотника вызвать!

Оксанина «Чебурашка» отъехала от парадного, и Тарас вздохнул с облегчением. Ураган промчался, не очень-то задержавшись и ничего не разрушив!

Приготовление простенького супа на телячьих ребрах возвратило Тараса к состоянию комфортного покоя. А съеденная тарелка супа подняла настроение настолько, что даже мысль о том, что и сегодня ночью, возможно, придется возить пахнущего бензином клиента из Сумской области, не испугала Тараса.

«У него же было три камня, два теперь у меня в коробочке. Надо и третий забрать... Бог троицу любит!» – подумал с усмешкой хозяин квартиры.

Глава 15

Алик сидел на скамейке в скверике у Пороховой башни. Сидел задумчиво. После беспокойного короткого сна, вызванного рассказами капитана Рябцева, ему захотелось выбраться в центр города, хотя особой нужды в этом не было. Но у старого хиппи слова «нужда» и «необходимость» в мыслях возникали редко. Причесав свои длинные прямые волосы перед квадратным зеркалом на стене, он оделся в джинсовую униформу, не нуждавшуюся в глажке, и вышел на улицу.

Солнце на небе не светило, но посвечивало, перебиваемое облаками. На первых порах, шагая в сторону центра, Алик принял его посвечивание за тепло, но вскоре налетел прохладный ветер и Алик вспомнил, что свою надежную широкополую шляпу забыл дома. Однако возвращаться не стал.

Еще несколько раз макушкой головы он ощущал в дороге солнечное тепло, но о шляпе уже не думал. Думал о кафешке на Армянской – единственной, сохранившей с давних времен атмосферу доступности и «самости»: это когда сам подходишь к барменше, сам заказываешь, сам платишь и сам уносишь к своему столу заказанное. Алику не нравились кафе с официантами. Когда-то он понял, что в стране подготовили слишком много официантов и для них не хватило рабочих мест в ресторанах. Тогда-то они и хлынули в кафе, поднимая цены на кофе и ожидая чаевых. После этого кафешки стали «цукернями», «шоколадницами» и прочими гламурными заведениями для клиентов, уважающих польские слова «шляхта и шляхетно» и примеряющих их на себя. И Алик покидал одно за другим эти заведения, оставшись в конце концов постоянным клиентом «Армянки». Круг «не шляхетных» любителей кофе сужался и в финале мог легко разместиться за несколькими столиками этого кафе на Армянской улице.

Вот и сегодня первым делом Алик выпил там два кофе по-восточному, пятьдесят грамм ликера, а после этого отправился к Пороховой Башне. Сидение в скверике у башни успокаивало и мысли, и нервы, и взгляд. Тут никто никуда не спешил. На соседних скамейках расположились обычные львовяне – и пожилые, и молодые. Две мамы толкали вдоль аллеи коляски с младенцами, о чем-то мирно беседуя. Лысый толстячок зрелого возраста в синем спортивном костюме выгуливал подстриженного пепельного пуделя. Собака всё время оглядывалась на хозяина, словно хотела ему сказать нечто приятное.

Этот день Алик решил провести медленно. На работу в театр надо подойти к шести вечера. Через часок-другой он сходит где-нибудь перекусить – благо, дешевые забегаловки на каждом шагу. А пока можно расслабиться и послушать птиц.

Алик посмотрел на высокие кроны деревьев, усеянные омелами. Прислушался. До ушей донесся шорох краснеющих осенних листьев.

Опустил взгляд под ноги. Задумался. Вспомнил Святый сад, в котором провел столько прекрасных часов, вспомнил хипповскую молодость, плавно перешедшую в хипповскую зрелость, песни, гитары, длинный самодельный провод-удлинитель, протянутый от студенческой общаги прямо на их полянку в саду. Вспомнил милиционера, дежурившего у входа в обком партии, располагавшийся в каких-то пятидесяти метрах от их гнезда, от их травы, от их вселенской любви. Милиционеры всегда жили не по любви, а по уставу. Поэтому и возникали конфликты, поэтому рвались удлинители, с помощью которых группа «Супервуйки» делилась музыкой и песнями с не доросшим до вселенской любви окружающим миром. Что изменилось с тех пор? Хиппи ушли, милиционеры остались. Остались и бывшие гэбисты, которым, как оказалось, вселенская любовь была не такой чуждой, но, будучи хитрее и умнее милиционеров, они прятались под уставом, как прятали свою службу под гражданской одеждой, а внутри некоторые из них были не прочь присоединиться к этой неодобряемой партией и правительством

вселенской любви. И, если верить рассказам Рябцева, присоединялись с риском для карьеры, а может быть, и для жизни!

Негромкий шум отвлек Алика от размышлений. Он поднял голову и увидел, что к третьей скамейке от лестницы, по которой можно было подняться от трамвайных путей к Пороховой Башне, сходятся бомжи с сумками и пакетами в руках. Одни только подтягиваются, а другие уже стоят и о чем-то живо разговаривают. Собрание бомжей как-то направило мысли Алика в другое русло. Вспомнилась конституция с ее правом на собрания. Алик улыбнулся. «Всякая тварь Божья собираться любит», – подумал он. И возникли снова в зрительной памяти их хипповские «собрания» тут же рядом, в саду. Промелькнули подогретые летними солнечными лучами скопления красных клопов-солдатики на пеньках в лесу за его домом, виденные когда-то по черно-белому телевизору съезды партии с тысячами одетых в одинаковые темные костюмы человекоподобных клопов-солдатики. И тут же следом вынырнули тоже виденные по телевизору в детстве марширующие солдатики, совершенно обычные, не клопы.

А бомжи прибывали, и уже видел Алик, что есть среди них и не бомжи, а просто слегка ободранные жизнью и обществом старушки и старички, обладавшие другой походкой и другими движениями тела, движениями, которые словно подсказывали, что эти старички и старушки имеют печку или плиту, имеют стол, за которым сидят. У бомжей такие движения отмирают за ненадобностью.

На аллее вдруг появилась машинка-«пирожок», белая, с надписью «Оселя». Остановилась у этой же третьей скамейки, только заехала на траву. Собравшаяся объединенная внешним неблагополучием публика выстроилась в очередь. Возле машины появились и прилично одетые люди – девушки и женщины. Они обошли очередь, уже насчитывавшую человек двадцать пять. Остановились, объяснили что-то стоящим. Задняя двойная дверца машины распахнулась, и по очереди пробежала волна оживления.

Алик с интересом продолжал наблюдать за происходящим. Он даже забыл о том, что минуту назад уже хотел встать и пойти в какую-нибудь забегаловку перекусить.

Он смотрел на очередь, на лица людей, не замечая, что симпатичная круглолицая дама, одетая в джинсы и в короткую синюю дутую курточку, внимательно смотрит на него. У нее на груди висел на ремешке фотоаппарат с большим объективом. Отвлекаясь от Алика, она несколько раз сфотографировала очередь и девушек, которые, стоя у открытого багажника машины, наливали в одноразовые пластиковые мисочки горячий суп из бидона-термоса. Третья девушка выдавала получившим суп одноразовые ложки и черный хлеб.

Алик, задержав взгляд на машине и собравшихся около нее людях, задумался о человеческих ценностях, о простых и важных вещах. О любви и тепле, о цветении деревьев, о мягкой траве, о бабочках и детях.

– Зря вы стесняетесь подойти! – раздался над его головой сильный женский голос. – С каждым ведь может случиться!

Он поднял голову и увидел перед собой симпатичную круглолицую женщину с фотоаппаратом, в руках она держала одноразовую миску с горячим супом.

Алик и не заметил, как миска оказалась у него на коленях, а в руках теперь он держал хлеб и ложку.

– Кушайте! – Женщина присела рядом, не сводя с него добрых зеленых глаз. – Вы, наверное, первый раз сюда пришли...

От неожиданности появления этой женщины у Алика пропали слова. Он только отрицательно мотнул головой, тоже не сводя с нее глаз.

– Вы кушайте, кушайте! Суп гороховый, не из концентрата! На копченых ребрах. Вкусно, – говорила она, и голос ее становился мягче и задумчивее, словно она вот-вот замолкнет и сама погрузится в какие-нибудь размышления и воспоминания. – На второе у нас пюре с сосиской. И компотик!

Взгляд женщины вдруг стал строгим, как у воспитательницы в детском садике, и Алик, понимая, чего от него хотят, стал с аппетитом поглощать горячий суп.

На лицо зеленоглазой женщины с кудрявыми короткими волосами вернулась улыбка. Она спокойно краем глаза наблюдала за обедавшим, успевая думать и о чем-то своем.

Как только одноразовая миска опустела, женщина взяла ее с колен Алика, забрала и ложку и, сказав: «Я сейчас! Мы мусор с собой увозим!», отошла.

Озадаченный Алик проводил ее взглядом и буквально через минуту этим же взглядом встречал ее приближение. На его колени опустилась одноразовая тарелочка с пюре и сосиской. Из пюре торчала пластиковая вилка.

– Как вас зовут? – удивленно спросил Алик.

– Оксана.

– А я – Алик.

– Вы кушайте, пока горячее!

Алик кивнул и принялся за второе.

А Оксана, женщина с зелеными глазами, продолжала на него смотреть, и в ее взгляде прочитывалась искренняя жалость, сочувствие чужому горю.

– У нас в Винниках и горячий душ есть, и стиральная машина! – заговорила она после паузы. – Приезжайте! Постираетесь, помоеетесь. Вы, наверное, совсем недавно на улице...

– Да я утром сюда пришел, – начал было Алик, но взгляд Оксаны снова стал строгим, как у воспитательницы, и он замолк, вернувшись к горячему пюре и сосиске.

– Я могу вас к бесплатному парикмахеру записать, тут недалеко, – снова сказала Оксана, посмотрев на его длинные волосы.

– Не надо, – прожеывая кусок сосиски, выдавил из себя Алик.

– Вам не нужно стесняться вашего положения, – Оксана произнесла мягко, с интонацией фронтальной медсестры. – Помните! Мы здесь по четвергам с часу дня! Я вам сейчас компот принесу.

Круглолицый ангел по имени Оксана исчез и снова появился с пластиковым стаканчиком.

Она ушла, дождавшись, когда Алик доест второе. Одноразовую миску и вилку унесла с собой, стаканчик попросила выбросить в урну и на память оставила листовочку с адресом и телефонами бесплатного горячего душа и стиральных машин в Винниках.

Алик долго пил сладкий вишневый компот. Пил и снова думал о мелких ценностях и ценных мелочах обычной человеческой жизни. Листовочку с адресом он сложил вчетверо и сунул в карман джинсовой куртки. Посмотрел на свои джинсы, которые всегда ценил в том числе и за то, что грязь на них была практически не видна. «Может, действительно постирать их?» – подумал, прежде чем подняться со скамейки.

Прочь от него по аллее уезжала белая машина-«пирожок» с надписью «Оселя». Человеческое собрание, возникшее вокруг этой машины, тоже рассасывалось, рассыпалось, рассредотачивалось, расходилось. Уже поднявшись, Алик поискал глазами Оксану, но ее среди оставшихся возле третьей скамейки не было.

Глава 16

По внешней стороне кухонного окна медленно сползали крупные капли вечернего дождя. Тарас залил свежесваренный кофе в металлический термос, плотно закрыл пробкой, затем накрутил крышку-чашку. Теперь, когда он пил или варил кофе, он не мог не думать о Дарке, о ее веселых глазах, очаровательных странностях. Думать о Лёне, которого он этой ночью увидит в третий и в последний раз, не имело никакого смысла. Лёни приходят и уходят, а Дарка остается в своем ночном обменнике на улице Ивана Франко, за маленьким окошечком с узенькой нишей для обмена одних купюр на другие.

Еще ни об одной женщине не думалось Тарасу в жизни так легко и приятно. Нет, в его жизни было достаточно романтических приключений, но дамы ему попадались, как ни странно, только двух типов: молчаливо-томные, чего-то от него ждущие и любящие держаться за руку во время прогулки, и стервы, которые всегда чего-то требовали и громко хотели, из-за чего отношения у Тараса с ними оказывались удивительно короткими, а конец этих отношений всякий раз приносил ни с чем не сравнимое душевное облегчение и мысли о невероятной ценности одиночества как образа жизни. Ему приходилось выбирать между молчанием и криком, хотя разве это выбор? После очередной стервы Тараса очаровывало томное и многозначительное молчание какой-нибудь задумчиво-флегматичной красавицы, и он брал ее за руку и вел в кафе, и она шла, легко и безоговорочно подчиняясь выбранному им направлению движения. Нет, о них, об этих прежних спутницах его романтических прогулок, ему не хотелось сейчас думать. Только о ней, о Дарке, словно именно ради встречи с ней ему надо было носиться на старой машине по самым ухабистым улицам Львова, вытряхивать из своих пассажиров почечные камни-конкременты, получать от них же за свою медицинскую изобретательность и за труд денежные купюры и только потом ехать к ней, спрятавшейся в глубине обменника, к ее горящему ночью окошку, за которым таились не столько денежные знаки разных народов, сколько она сама, Дарка, волшебница в цветных до локтя перчатках. И он приезжал в самые ранние предрассветные часы, и просовывал в нижнюю прорезь окошка заработанные купюры, словно отчитываясь перед ней за очередную трудовую ночь своей жизни.

К полуночи, когда Тарас подъехал к оперному театру, дождь уже прекратился. Перед входом в театр стояла одинокая фигура в сером плаще и такой же серой кепке. Тарас, не выходя из машины, понаблюдав за Лёней. Потом выбрался, окликнул его, и клиент зашагал к старому «опелю» мельтешащей, не львовской походкой, что заставило Тараса снисходительно улыбнуться. Он даже успел представить себе, будто походка Лёни была типичной походкой жителей городка Ворожбы, откуда Лёня прибыл. И тут уже, представив себе улицу неведомого ему города, заполненную вот так странное шагающими по своим делам лёнями, Тарас рассмеялся.

– Чего? – спросил удивленный Лёня, остановившись у машины.

– Да так, анекдот вспомнил, – соврал Тарас и, тоже не поздоровавшись, уселся на свое сиденье.

Следующие три часа тянулись удивительно медленно, несмотря на скорость, которую развивал старенький «опель» по булыжнику Городецкой, Лычаковской и Зеленой. Несколько раз Лёня вскрикивал, бросал руки в пах, просил остановить машину. Но последний камень держался, как последний боец Брестской крепости. Только после нескольких коротких проездов по ямам Лесной улицы на бледном лице Лёни загорелись неким электрическим светом глаза. И Тарасу показалось, что в салоне вдруг стало светло. Лёня и сказать ничего не смог, а только его рука вдруг ухватила за правое плечо Тараса, и тот всё понял. Он ударил правой ступней по педали тормоза и тут же выключил двигатель. Машина дернулась и остановилась. Внезапная тишина ударила в уши. Лёня застыл, и лицо его замерло с поджатыми тонкими губами и чуть вперед выдвинутой челюстью. Его тонкий нос, казалось, заострился еще больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.